

Мурацан

Геворг Марзпетуни

eMatenadaran.

Мурацан
Геворг Марзпетуни

«Aegitas»

Мурацан

Геворг Марзпетуни / Мурацан — «Aegitas»,

В IX–X веках, когда разгоралась напряженная борьба между Арабским халифатом и Византийской империей, положение Армении было особенно тяжелым; она оказалась раздробленной на отдельные феодальные княжества, властители которых боролись между собой за власть. Эту раздробленность и использовали оба сильных соперника. Все эти события нашли свое яркое отражение в историческом романе «Геворг Марзпетуни». Тема романа — борьба армянского народа за освобождение от арабского ига — основана на подлинных событиях истории. Ашот II Багратуни (915–928 гг.), прозванный «Железным», вел совместно с патриотами-князьями ожесточенную борьбу против арабских войск. Мурацан сумел подчеркнуть передовую роль Ашота Железного как объединителя Армении. Писатель хорошо понимал, что идея объединения страны, даже при монархическом управлении, для того времени была прогрессивной. Борьба Ашота Железного не была ограничена только национальными рамками. Он помогал и соседней Грузии изгнать захватчиков из родной страны. Судьбу Армении писатель-демократ связывал с народными массами. Устами Геворга Марзпетуни, главного героя романа, Мурацан говорит: «Крестьянские хижины, неприметные домики, в которых живут одетые в лохмотья бедняки, презираемы богачами, — в них-то и заключена подлинная сила отечества». Патриотизм, беззаветная любовь к родине — основная идея романа. Геворг Марзпетуни вместе со своими соратниками сумел объединить вокруг Ашота Железного князей и весь народ. Он повел за собой и тех, кто сомневался в успехе вооруженной борьбы с врагами.

© Мурацан

© Aegitas

Содержание

Часть первая	6
1. В крепости Гарни	6
2. Неприятное известие	11
3. Рассказ кормилицы	15
4. О том, как решалась судьба Саакануйш	19
5. О том, какие препятствия угрожали судьбе Саакануйш	24
6. Радостные воспоминания о коронации и обручении	29
7. О неизвестных царице бедствиях, перенесенных армянским народом в течение трех лет	33
8. Воспоминания невесты и ее ликование по поводу приезда жениха	37
9. О том, как открылась неверность	41
10. Слепой мститель	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мурацан Геворг Марзпетуни

Часть первая

1. В крепости Гарни

Замок родоначальника Айказа, перестроенный и богато украшенный Трдатом Великим¹, был неприступной крепостью во времена славных войн, хранилищем царских сокровищ в мирные годы, безопасным убежищем для княжеских семейств и надежным местом зимовок армянского войска. В то время, с которого начинается наше повествование, крепость, подвергшаяся в дни Вардана² по вине коварного Васака³ великим разрушениям, была еще цела и невредима.

Твердыня эта высилась на одном из отрогов горы Гех, разделяющей области Мазас и Востан в араратской земле, на кряже, получившем позднее название Гегардасара в честь монастыря св. Гегарда, расположенного на его склоне.

Грозна и величественна была природа вокруг плоскогорья, увенчанного крепостью. Гигантские скалы, причудливые утесы, бездонные пропасти, глубокие ущелья, суровые горы с гордыми зубцами вершин тянулись от ближайших окрестностей крепости до самого горизонта. Перед крепостью, низвергаясь с высоты, мчал вспененный воды поток, впадающий в реку Азат. Прорвавшись сквозь теснину, он соединялся с другой рекой и, лениво змеясь, выходил на просторную долину Двина, орошая и питая прохладой сады Востана.

Старинная крепость с пятью церквями, многочисленными строениями и башнями стояла на плоскогорье, где утесы чередовались с крутыми обрывами. Ее охраняли со всех сторон и природные, и созданные человеком твердыни. С севера нависали утесы, которые вдали сливались с горой Гех. С востока и запада крепость была защищена стенами и башнями, сложенными из гладко обтесанных глыб базальта, скрепленных свинцом и железом. С юга и севера поднимались природные укрепления из сплошных скал. Громоздясь, как гигантские башни над ущельями, они делали эту часть крепости грозной и неприступной.

На юго-восточном холме, почти у крепостных стен, как поднебесные великаны, высились мрачные строения царского замка с зубчатыми башнями и великолепный летний дворец Трдата, портики которого поддерживались двадцатью четырьмя ионическими колоннами. Еще целы были статуи и высокие резные своды дворца – творенья римского искусства. Из-под его портиков как на ладони был виден замок с уходящими вдаль величественными в своей суровой красоте горами. Летняя царская резиденция – чудесное место для прогулок – была одновременно отличным наблюдательным пунктом.

Наступила осень 923 года. Скучная зелень, покрывавшая скалистые склоны Гегардасара, давно уже сошла. Обнаженными стояли каменистые громады утесов и скал. Строгого величия Гегардасара не могли нарушить даже великолепные дворцы Гарни.

Смеркалось. На горных дорогах, пролежавших через ущелья, не было ни души. Те, кому приходилось идти через долину Двина, давно уже вернулись домой или заночевали в пещерах Айриванка; монахи давали кров и пищу запоздалым путникам-армянам, не решавшимся после

¹ Трдат I Великий – основатель династии Аршакидов в Армении (66 г. н. э.). При нем в Гарни был сооружен храм.

² Вардан Мамиконян – военачальник, возглавивший народную борьбу с персидскими захватчиками в середине V века.

³ Васака – князь Сюнийской области; во время борьбы армян с персидским царем Иездигердом II в 451 г. перешел на сторону последнего. Имя Васака у армян стало символом предательства.

наступления темноты появляться в ущелье Гарни, где хозяйничали шайки разбойников. Над окрестными ущельями и пропастями царила грозная тишина. Только изредка ее нарушало завывание горного осеннего ветра и доносившийся с высот шум реки.

Даже в многолюдном Гарни все будто вымерло. Сырой холод горной осени загнал обитателей крепости в жилища. Бодрствовали только часовые. В железных шлемах, с тяжелыми мечами у пояса, с медными щитами и длинными копьями в руках, они ходили взад и вперед у ворот крепости, перед башнями, вокруг замка, где в это время жила супруга Ашота Железного, царица Саакануйш.

Хотя царь только что помирился со своим двоюродным братом Ашотом Деспотом и, захватив столицу Двин, изгнал оттуда чужеземцев, времена все еще были беспокойные. Арабские захватчики могли в любой момент напасть на столицу, ставшую в те дни яблоком раздора.

Царь был занят подавлением восстаний, вспыхивавших то здесь, то там, и царской семье оставаться в столице было опасно. Вот почему царица Саакануйш и вместе с нею много других знатных семейств переехали в замок Гарни.

Несмотря на холодную погоду и наступающие сумерки, царица все еще оставалась во дворце Трдата. Последнее время она проводила здесь долгие часы почти одна, сидя на террасе, обращенной к ущелью. Она задумчиво смотрела на бурлящие внизу волны Азата, которые неслись, омывая прибрежные ивы и разбиваясь о камни, или же глядела на спускающуюся с горы Гех дорогу, где каждый всадник привлекал ее внимание. Она следила за всадником до тех пор, пока тот, спустившись к ущелью Азата и свернув на гарнийскую тропу, не скрывался из виду.

Уже вторую неделю царица тревожно ждала кого-то, но – увы! – его все не было. Это мучило и беспокоило царицу, усиливая тоску, и без того терзавшую ее сердце.

Раньше царица сама избегала людей, чтобы никого не видеть, ни с кем не говорить. Ей хотелось быть одной со своими мучительными думами. Она раздражалась, если кто-нибудь осмеливался нарушить ее одиночество. А теперь? Она чувствовала себя такой усталой и одинокой, что сама искала человека, которому могла бы поведать о своем горе. Но – увы! – во всем замке среди приближенных женщин не было ни одной, кому она могла бы доверить свою сердечную тайну. Да если бы даже такая наперсница и нашлась, царица не рассказала бы ей ничего. Она не верила в женскую искренность, тем более в прямоту женщин княжеского рода, равных ей по рождению. Царица была уверена, что каждая из них, посочувствовав ей для вида, в душе обрадуется ее несчастью; у всех были на то свои тайные причины. Она надеялась только на одного человека: он, думалось ей, не только посочувствует ей, но даже, быть может, облегчит ее страдания. Его-то и ждала она теперь с такой тоской. Однако вопреки своему обещанию и вести, привезенной гонцом, он все не появлялся.

Но вот к царице приблизилась пожилая женщина среднего роста. Лицо ее светится добротой, ласковые глаза улыбаются; она как будто боится своим приходом вызвать гнев повелительницы. Ей известно, почему так страдает ее госпожа, она все обдумала и все решила. Она искренне горевала о несчастье царицы еще тогда, когда та, ничего не подозревая, развлекалась со своей свитой в Сюнийских и Гугарских горах.

Это – Седа, кормилица царицы, обожающая свою молочную дочь, добрейшая и благороднейшая женщина. Она давно знала о несчастье, постигшем Саакануйш, но ничего не говорила, ибо если нельзя помочь горю, то уж лучше не растревлять душу.

Но теперь, когда госпожа сама обо всем узнала, могла же Седа поговорить с ней, поплакать вместе и утешить ее? Она выкормила и вырастила Саакануйш на своих руках.

Так думала порою Седа, но тотчас же возражала себе: «Нет! Саакануйш – дочь гардманского князя, не только ее питомица, но и ее царица. Седа может целовать ей ноги, но говорить с ней как равная она, конечно, не имеет права».

С того дня как Седа поняла, что царица знает о своем несчастье, бедная женщина не находила покоя. Она была не в силах помочь царице и все же пыталась облегчить ее участь. Она как тень следовала за Саакануйш, стараясь как можно чаще прерывать ее печальные думы.

– Уже смеркается, моя дорогая повелительница. Не соблаговолишь ли вернуться в замок? – подойдя к террасе, спросила Седа.

– Это ты, Седа? – с беспокойством обернулась Саакануйш.

– Да, великая царица, я пришла сказать...

– И давно ты здесь? – подозрительно прервала ее царица, будто опасаясь, что кормилица могла подслушать ее тайный вздох или про себя сказанное слово.

– С тех пор как солнце зашло за гору.

– Но ведь я приказала, чтобы никто не нарушал мое одиночество...

– Да, преславная царица, и я не посмела бы ослушаться твоего приказа, но уже темнеет, поднялся ветер; ты можешь простудиться; я пришла напомнить, что пора возвращаться в замок.

– Напомнить? Что это значит, Седа? – спросила царица.

Добрая женщина смутилась, не смея сказать то, что было у нее в мыслях. Она почувствовала свою оплошность и в смущении опустила глаза. Легкий румянец, как бледная зимняя заря, тронул ее поблекшие щеки. Она поспешила скрыть свою неловкость под ласковой улыбкой, неразлучной с материнской нежностью и теплотой. Строгий пристальный взгляд царицы, устремленный на нее и, казалось, требовавший объяснения, постепенно смягчился. Седа почувствовала себя смелее. Она всей душой любила царицу и следила за ней не для того, чтобы узнать ее тайну, а чтобы сохранить ее здоровье, о котором она пеклась, как любящая мать. Разве искренняя любовь – преступление? Конечно нет. Поэтому она заговорила более уверенно:

– Я пришла напомнить, что холодно и царица может простудиться.

– Это мне и самой известно, – возразила Саакануйш.

– Нет, госпожа, когда ты погружаешься в грустные думы, ты обо всем забываешь.

– Седа, мать Седа, ты бредишь! – прервала ее удивленная царица.

– Нисколько, моя дорогая госпожа, – заговорила Седа твердо. – Прошлый раз, во время сильной грозы, все укрылись в домах, даже воины, стоявшие на страже перед замком. А ты все ходила, как будто вокруг тебя весна и ты находишься в нашем раю, там, в Гардмане.

Царица встрепенулась. Ей показалось, что кормилица укоряет ее в напрасной скрытности. Почудилось, что, может статься, она делает это в угоду какой-нибудь из княгинь, что ее несчастье известно уже всем и завистливые соперницы рады унижить теперь ее царское достоинство при помощи ее же слуг. Эти мысли взволновали ее, но, скрывая свои чувства, она спокойно спросила:

– Седа, кто тебе сказал, что царица, погружаясь в грустные думы, не замечает, что совершается вокруг?

– Никто, моя дорогая госпожа, это я вижу сама. Седа была бы слепой, если бы не заметила на лице своей повелительницы постоянной тоски, а на лбу – скорбных морщин. Давно, давно знаю я, какое горе терзает твое благородное и доброе сердце.

Царицу охватило волнение. Прежняя подозрительность сменилась внезапно чувством теплого доверия к кормилице. В ее голосе она услышала такую искренность и ласку, как будто с ней говорила родная мать. Не ответив, она задумчиво поднялась со скамьи и, выпрямившись, посмотрела на старуху глазами, в которых светилась доверчивая нежность. В эту минуту она желала бы выслушать от нее все, что та знала о ее страданиях, желала бы проверить сызнова все, что давно было известно ей самой. Но царская гордость не терпит слабости. До этого она никому не поверяла своих дум, значит, не будет говорить о них и с кормилицей. В то же время ей хотелось, чтобы Седа, не спрашивая разрешения, сама продолжала разговор.

Седа не поняла, о чем говорил задумчивый взгляд царицы. Ей показалось, что дерзкими речами она огорчила свою госпожу. Избегая ее взгляда, она поспешила накинуть на нее пышную соболью накидку, которая соскользнула с ее плеч, когда царица встала со скамьи.

– Для таких услуг, мать Седа, ты уже стара. Где мои прислужницы? – мягко спросила царица.

– О, позволь мне одной служить тебе, моя нежная, моя бесподобная! Неужели Седа так постарела, что уже ни на что не годна?

– Мать Седа, я не это тебе хотела сказать...

– Или мое присутствие неуютно царице?

– Седа, ты прерываешь меня.

– Или своими неосторожными словами я огорчила свою госпожу?

– Нет, нет, моя Седа, твое присутствие мне приятно. Ты знаешь, что во время прогулок я никому не разрешаю сопровождать себя. Ты же всегда здесь и всякий раз, когда тебе хочется, прерываешь меня, не считаясь с тем, желает этого твоя царица или нет.

– Так я буду поступать и впредь, моя повелительница! Сердись на меня, если тебе угодно, но я не могу позволить, чтобы ты на долгие часы погружалась в тоскливые думы. Это может повредить твоему драгоценному здоровью.

– «Драгоценному»? Да, быть может, для тебя, моя добрая Седа, только для тебя... – прошептала тихо царица и, снова обращаясь к кормилице, сказала: – Ты имеешь право спорить со мной, мать Седа, я на тебя не сержусь... Да и впрямь я очень долго остаюсь на воздухе. Где мои прислужницы?

– Ты приказала, чтобы они не являлись без твоего зова.

– Так зови их, и пусть подадут мне носилки.

– Сказав это, царица прошла к концу колоннады и, остановившись там, стала смотреть на багровую луну, которая медленно поднималась из-за гор. Хотя было уже довольно холодно и дул ветер, но небо оставалось ясным и безоблачным. Загорались звезды, и диск луны, опустившийся на вершину горы, как волшебный светильник слабо озарял скалистые хребты и холмы. Пенистые волны Азата, несущиеся с высот, местами сверкали, как серебро.

Царица, плененная красотой лунного вечера, вновь погрузилась в раздумье. Еще немного, – она вернулась бы на свое место и вновь отдалась бы мучительным думам, но голоса прислужниц и свет факелов, которые несли слуги, вывели ее из оцепенения.

Царица обернулась. Вместе с прислужницами и кормилицей шла владелица крепости, княгиня Гоар Марзпетуни. Приблизившись, она почтительно поклонилась царице и мягко выразила свое неодобрение по поводу ее чрезмерной любви к одиночеству.

– Отсюда я слежу за дорогой, чтобы первой сообщить тебе весть о приезде князя Геворга, – ответила царица, ласково улыбнувшись.

– Я буду тебе благодарна, если только он привезет нам радостные вести, – сказала княгиня Гоар и протянула царице руку, чтобы помочь ей спуститься со ступеней.

– А если он не привезет их? – спросила царица.

– Тогда пусть крепостные ворота останутся для него закрытыми, – шутливо заметила княгиня.

Царица улыбнулась и ничего не ответила.

Внизу стояло четверо рослых слуг. Они держали в руках носилки, убранные цветным шелковым покрывалом с золотыми кистями. Прислужницы помогли царице сесть на носилки. Слуги факелами освещали путь к замку, до которого было несколько десятков шагов. Носилки двинулись вперед в сопровождении княгини и прислужниц.

Перед широкими сводчатыми воротами замка горели светильники. Вооруженные воины охраняли вход. Когда царица приблизилась, воины стали в ряд и в знак повиновения склонили копья так низко, что наконечники коснулись земли.

– Где ваш начальник? – спросила царица, поравнявшись со стражами.

– Здесь, преславная царица! – С этими словами к ней приблизился высокий, красивый молодой воин, выделявшийся среди других своим богатым вооружением и развевающимся на шлеме пером.

– Есть известия от начальника крепости?

– Господин начальник приказал сообщить: лучники и копьеносцы отправлены к бойницам; караульные стерегут стены; отряды стражей находятся на башнях.

– А крепостные ключи?

Мы ждем приказания царицы, чтобы запереть ворота.

– Почему так поздно? Уже темно.

– Из Айриванка приехал гонец. Он сообщил, что этой ночью сюда прибудет его святейшество католикос⁴. Начальник желает знать, могут ли остаться у него ключи до прибытия его святейшества.

– Скажи ему, чтобы он наложил засовы и явился ко мне.

Воин почтительно поклонился и зашагал по улице, ведущей к главным воротам.

У входа в замок царица спустилась с носилок и вошла в сводчатый круглый зал. Направо и налево четыре маленькие резные двери вели в покои нижнего этажа и в тайники замка. Посредине поднималась широкая гранитная лестница, которая наверху разветвлялась на две узкие лесенки. Левая вела в средний этаж, где были комнаты приближенных княгинь, правая – в верхние покои; там жила царица со своими прислужницами. Лестницы были сверху донизу покрыты сюнийскими коврами и освещены свисавшими со сводов медными лампадами.

Царица с помощью прислужниц поднялась наверх и, повернув направо, вошла в увенчанную куполом красивую палату с колоннами и нишами, резным карнизом и мозаичным полом. Отсюда сводчатые двери вели в другие покои этого этажа.

Царица миновала две маленькие комнаты, стены которых были выложены цветными изразцами, ярко блестящими при свете серебряных лампад. Убранные коврами и подушками, эти комнаты предназначались для прислужниц. Отсюда царица проследовала в великолепный зал, освещенный четырьмя большими люстрами. Стены его были целиком облицованы шлифованным белым камнем, украшены колоннами из красного мрамора и арками. Потолок из резного камня был выложен по углам мозаикой из цветных камней. Пол устлан коврами. У стен стояли тахты, покрытые шелком, с парчовыми подушками и валиками. Царица села в конце зала на парчовый диван. Одна из прислужниц, склонившись, подложила ей под ноги шелковую подушку, украшенную кистями.

⁴ Католикос – глава армянской церкви.

2. Неприятное известие

– Не догадывается ли царица, зачем в нашу крепость едет в ночное время его святейшество? – спросила княгиня Марзпетуни, желая нарушить неловкое молчание, воцарившееся в зале. Сидя на покрытой шелком скамье против дивана царицы, она посмотрела на нее пристальным взглядом в ожидании ответа.

– Без сомнения, святейший владыка желает сообщить нам что-нибудь важное, – ответила царица многозначительно.

– А может быть, он просто хочет навестить царицу?

– Для этого нет нужды ночью выезжать из монастыря. Слава богу, Айриванк от нас недалеко.

– Меня чрезвычайно беспокоит его посещение.

– А меня беспокоит продолжительное отсутствие князя Геворга. Уже две недели, как он уехал. Если приезд католикоса связан с каким-нибудь новым несчастьем, то отсутствие князя подвергает нас двойной опасности.

– Неужели ты, преславная царица, сомневаешься в победе государя?

– Покорить наместника Утика невеликое дело, но победу посылает бог. Если бы государь победил, то князь Геворг был бы уже здесь. В крайнем случае он прислал бы гонца с известием о том, что Цлик-Амрам разбит или взят в плен.

– Не приведи господь, дорогая царица, чтобы государь в войне с Цлик-Амрамом потерпел поражение. Это будет большим позором и для государя и для войска.

– И прежде всего для тех князей, которые оставили государя без помощи и заботятся только об укреплении собственных замков, – с горечью заметила царица.

– Конечно, охрану крепостей они могли бы поручить даже женщинам, – заметила княгиня, желая исправить свою ошибку.

– Значит, нам нечего ждать удачи.

– Но если будет угодно богу...

– Да, если только ему будет угодно, – с горькой усмешкой заметила царица.

Вошла прислужница и доложила царице, что начальник крепости просит разрешения войти.

– Пусть войдет, – приказала царица.

Через несколько минут вошел начальник. Это был высокий пожилой мужчина с серьезным благородным лицом, с проседью в волосах. На его туго стянутом поясе висел меч; в руках он держал медный шлем. Четким твердым шагом он подошел к царице и, низко поклонившись, попросил принять ключи от крепости, которые вошедший за ним слуга нес на серебряном блюде. Царица взяла ключи и передала их стоявшей неподалеку кормилице. Седа отнесла ключи в опочивальню царицы. Это был обряд, совершавшийся каждый вечер. Пока князь Марзпетуни, доверенный царя Ашота, был в Гарни, службу начальника крепости нес он сам, и ключи от крепости находились у него. Но с того дня, как по приказу царицы он уехал в Утик, чтобы собрать сведения о походе царя и в случае нужды послать ему на помощь войска, должность начальника была передана старому воину по имени Мушег, который хотя и не был княжеского рода, но принадлежал к верным и испытанным слугам царского дома. Царица смело могла доверить ему крепостные ключи. Время было тревожное: то и дело приходили печальные вести, враг брал то одну, то другую крепость. Причиной была слабость гарнизонов или измены военачальников. Царица при всем доверии к Мушегу, заслужившему своею верностью столь высокую должность, все же для собственного спокойствия приказала, чтобы вечером ей отдавали ключи от крепостных ворот.

– Ты хотел, чтобы до прибытия его святейшества ключи оставались у тебя? – спросила царица.

– Да, преславная царица.

– Почему?

– Чтобы ночью не нарушать сон моей повелительницы.

– А разве ты не знаешь, что открыть крепостные ворота можно только с ведома царицы?

– Знаю, преславная царица, извини простодушие твоего слуги.

– Простота не преступление, мой добрый Мушег; это – слабость. Мы живем в злое время. На каждом шагу нужно проявлять осторожность. В котором часу прибудет его святейшество?

– Гонец не назвал часа, он сказал только, что католикос прибудет в эту ночь и просит открыть ему крепостные ворота.

– Ты не догадываешься о цели его приезда?

– Наверно, он хочет навестить царицу.

– Но почему ночью?

– Его святейшество очень скромно. Он избегает пышных встреч.

В эту минуту снова вошла прислужница и доложила, что князь Гор желает видеть царицу.

– Пусть войдет, – оживилась Саакануйш.

Княгиня Марзпетуни весело посмотрела в сторону двери. Оживились и девушки-прислужницы. Можно было догадаться, что князь Гор всеобщий любимец. Вошел двадцатилетний юноша, высокий, красивый, вооруженный с головы до ног. На нем был меч, украшенный золотом, такие же налокотники и наколенники. В руке он держал блестящий шлем. Гор, улыбаясь, подошел к царице и поцеловал у нее руку. Потом, склонясь к своей матери, княгине Марзпетуни, он поцеловал и ей руку и стал рядом с начальником крепости.

– Каждый раз, как я тебя вижу, Гор, мне кажется, что ты или идешь на войну, или возвращаешься с поля боя. Почему ты всегда вооружен? – улыбнулась царица.

– Таков приказ моего отца, мать-царица.

– В такой поздний час и в запертой на все засовы крепости? Едва ли в этом есть нужда. Ведь ты находишься в хорошо защищенном царском замке.

– Каждую минуту я должен быть готов к защите. Кто знает, может быть, здесь, в одном из помещений замка, нас подстерегает злодей.

– О, да ты опасный человек, князь Гор! – заметила царица.

– Да, для врагов моей царицы и царя.

– Врагов, которых ты не знаешь?

– И которых я желал бы никогда не видеть в этом замке.

Княгиня Марзпетуни, глядевшая на него с материнской нежностью, пришла в восторг от этих слов.

– Ты прав, мой дорогой, однако один из таких врагов находится сейчас в нашем замке, – сказала царица с притворной серьезностью.

– Его имя?! – горячо воскликнул Гор.

– Притаившись в одном из внутренних покоев, он ждет удобного случая, чтобы нанести нам удар.

– Но кто же это? – нетерпеливо спросил юноша.

– Княжна Шаандухт...

Юный князь вспыхнул, а царица и княгиня рассмеялись.

– Откуда ты? Надеюсь, с добрыми вестями? – спросила затем царица.

– Да, вести неплохие, – ответил князь. – От католикоса прибыл второй гонец и сообщил, что его святейшество передумал. Он сюда не приедет.

– Почему?

– Этого гонец не сказал. Ворота крепости были заперты, я говорил с ним из окна башни.

Лицо царицы омрачилось. «Желала бы я знать, что заставило католикоса, ехавшего ночью в Гарни, изменить свое решение, – подумала она. – Может быть, он получил неприятные известия из Утика или узнал о скором наступлении врага?»

– Почему ты назвал это известие приятным? Разве тебя не радовал приезд его святейшества? – спросила царица.

– Нет, повелительница, – отрывисто ответил князь.

– Странно... – сказала Саакануйш, внимательно посмотрев на юношу.

По лицу начальника крепости проболтала тень. И, словно испугавшись дальнейших объяснений Гора, которые могли оскорбить его религиозные чувства, он, испросив у царицы разрешение удалиться, отвесил поклон и вышел из зала.

Княгиня Марзпетуни заметила это. Огорченная невежливым ответом сына, она спросила его:

– Почему тебе неприятен приезд католикоса?

– Если царица прикажет говорить правду...

– Говори. Откровенность – наименьшее из преступлений, – заметила царица.

– Он едет к нам не для того, чтобы навестить царицу и дать ей свое благословение.

– Гор, говори осторожней! – прервала его княгиня Гоар, покраснев от волнения.

– Княгиня Гоар, оставь его, пусть он скажет то, что думает, – строго сказала Саакануйш.

– Правдивость – враг осторожности. Я говорю перед моей царицей и матерью. Я повторяю: католикос едет сюда не ради благословения. Он хочет укрыться в Гарни.

– Укрыться? От кого? – спросила царица.

– Вероятно, он слышал, что на наш край готовится нападение, и хочет найти пристанище в Гарни.

– Если это так, он поступает благоразумно, переезжая в нашу крепость, – заметила княгиня Гоар.

– Нет, мать, он не должен бросать беспомощную братию в Айриванке и думать только о спасении собственной особы.

– Кто тебе сказал об этом? – с беспокойством спросила царица.

– Никто. Это мое предположение.

– Нельзя говорить, основываясь на одних предположениях, – вставила княгиня Гоар.

– Мать-царица, прикажешь продолжать?

– Говори.

– Это не только предположение: его святейшество, испугавшись Нсыра, преемника Юсуфа, оставил свои покои в Двине и укрылся в пещерах Айриванка. Нсыр рано или поздно пойдет на Двин и может захватить дворец католикоса и его поместья.

– Если востикан⁵ готовится овладеть столицей, которую покинул сам царь, то нечего удивляться, если Нсыру удастся захватить дворец католикоса. Разве может его защитить безоружное духовенство? – взволнованно сказала княгиня, не думая, что этими словами она огорчает царицу.

Саакануйш, уязвленная словами княгини, медленно поднялась с дивана и, не глядя на княгиню, спокойно сказала кормилице:

– Седа, я устала, готова ли опочивальня?

– Да, дорогая царица, – ответила кормилица.

Холодно улынувшись княгине Гоар и молодому князю и пожелав им спокойной ночи, царица направилась в опочивальню. Седа и прислужницы последовали за ней.

– Что ты наделала, мать? Учила меня осторожности, а сама вонзила нож в сердце царицы! – воскликнул Гор.

⁵ Востиканы – наместники арабского халифа в Армении.

Княгиня Гоар, утратившая на минуту свою обычную сдержанность, теперь опомнилась и застыла, словно пораженная громом.

– Я не хотела ее огорчить... Я не подумала... Эти слова вырвались помимо моей воли, – упавшим голосом сказала глубоко опечаленная княгиня.

Гор сердито ходил по залу. Вдруг он остановился:

– Скажи, все женщины так же забывчивы, как ты?

– Почему ты это спрашиваешь?

– Почему? А помнишь, на прощанье отец сказал, что у царицы тяжелое горе, и просил отвлекать ее от грустных дум. Ты забыла наказ отца и огорчила царицу.

– В этом ты виноват, Гор. Разве можно, основываясь на одном предположении, утверждать в присутствии царицы, что католикос бежит из Айриванка.

– Это не предположение, – прервал Гор, – а горькая истина.

– Ничего не понимаю.

– Я скрыл правду от царицы, не желая ее волновать.

– Какую правду?

– На нас готовится нападение.

– Гор, что ты говоришь? Какое нападение?

– Нсыр уже вышел из Нахиджевана и идет на Двин.

– Боже мой! Что ты сказал! – воскликнула княгиня.

– И как раз в тот момент, когда в столице нет ни царя, ни войска.

– Что же нам делать?

– Ты должна скрыть от царицы это известие. Мы же сделаем все, чтобы отразить нападение врага. Я иду к начальнику крепости.

Сказав это, юноша простился с матерью и быстрыми шагами вышел из зала. Растерянная и задумчивая, княгиня Гоар направилась в свои покои.

3. Рассказ кормилицы

Выйдя из зала, царица в сильном волнении прошла в опочивальню. Свет серебряной лампы, подвешенной к потолку, показался ей слишком слабым. Обычно по ее желанию здесь зажигали только один светильник, но сегодня полумрак ей был невыносим.

– Прибавьте свету, на сердце и без того темно! – воскликнула царица, подходя к узкому сводчатому окну, обращенному к вершине горы Гех. Из окна, освещенного луной, веяло прохладой. Саакануйш жадно вдыхала свежий воздух, словно желая умерить жар, пылавший в ее груди.

Одна из прислужниц внесла золотой пятисвечник и поставила его на круглый стол орехового дерева с инкрустациями из перламутра и слоновой кости. Из мрака выступила прекрасная комната, некогда опочивальня вечной девственницы, любимой сестры Трдата. Могущественный царь, любитель искусств, украсил эту комнату искусной художественной отделкой. Стены ее, облицованные цветными каменными плитами, поддерживались пятью парами каменных колонн. Их ионические капители соединялись арками. Гладкие части стен были из белого камня, а базы и капители из огненно-красного мрамора. Сводчатые ниши между арками были выложены цветными изразцами и обрамлены узким мраморным пояском. Пространство между нишами украшали резные гирлянды и орнамент. Карниз оживлялся резьбой из красного и черного камня. Стены по углам были покрыты узорчатой золоченой мозаикой. Дневной свет проникал через узкие сводчатые окна; убранство комнаты завершалось ложем царицы, занимавшим правый угол опочивальни; оно было задернуто пурпурным занавесом с золотой бахромой и кистями.

Кормилица, подойдя к ложу, отодвинула тяжелый полог, за которым стояла постель, убранный тончайшими тканями, парчой и персидскими цветными подушками. Затем ласково спросила:

– Не желает ли царица отдохнуть?

– Да, я очень устала, – ответила Саакануйш и, отвернувшись от окна, приказала прислужницам снять с себя одежды. Но лицо царицы выражало в эту минуту не усталость, а душевное волнение, что, впрочем, придавало особую прелесть ее глазам и всему ее царственному облику. Две прислужницы сняли с нее обычные украшения: массивные византийские запястья и серьги. Затем сняли золотое ожерелье, которое обвивало ее шею цвета слоновой кости, и пояс из драгоценных камней, стягивавший тонкий стан. Потом отстегнули рубиновую пряжку, – она сдерживала у левого плеча златотканое одеяние. Прислужницы развязали жемчужную повязку в волосах царицы, причесанных по греческой моде. Тяжелые косы, освобожденные от золотых пут, покрыли волнами полуобнаженную грудь и плечи Саакануйш. Царица села на постель и потребовала псалтырь. Одна из прислужниц подошла к изголовью, достала из маленького ларца книгу в золотом переплете, украшенную камнями, поцеловала ее и подала царице, придвинув к ней светильник.

– Мне больше ничего не нужно, идите отдыхать. На ночь со мной останется Седа, – сказала царица прислужницам.

– Не отведаешь ли чего-нибудь? – с нежной заботой спросила Седа.

– Нет.

– Может быть, выпьешь чашку фруктового сока?

– Хорошо, принесите что-нибудь освежающее, – сказала нехотя Саакануйш.

Прислужницы вышли. В опочивальне воцарилась тишина. Царица раскрыла псалтырь, но глаза ее не видели букв. Она не читала, она только прятала свой взор от Седы, чтобы та, до ухода прислужниц, не начала разговора. Наконец девушки вернулись, неся на серебряном

блюде золотую чашу с напитком, приготовленным из фруктового сока и меда, и отборные фрукты из араратских садов.

– Можете идти, – сказала им царица, когда они поставили блюдо на стол.

Прислужницы низко поклонились и, пожелав царице спокойного сна, удалились. Царица облегченно вздохнула. Положив книгу на стол, она повернулась к Седе, стоявшей у изголовья, и спросила:

– Седа, ты слышала, что сказала княгиня Гоар?

– Да, царица, слышала.

– Ты поняла намек, относившийся к твоему государю?

– То, что его нет в Двине?

– Да. И что он все время проводит в Утике...

– Нет, царица, об Утике ничего не было сказано.

– Как? Значит, я ослышалась?

– Все, что сказала княгиня Гоар, я могу повторить дословно. Утика она не называла.

– Что ты говоришь, женщина? Значит, я... Но нет! Я же помню, что она намекнула на Утик. Неужели ты не заметила моего волнения?

– Да, дорогая госпожа, я заметила, что намек на отсутствие царя расстроил тебя. Но об Утике речи не было. Вероятно, из слов княгини «государь покинул столицу», ты заключила, что государю угодно быть в Утике. Тебе показалось, что ты слышала эти слова, но я помню хорошо, что она их не произносила...

Слова кормилицы успокоили царицу, она пришла в себя. Ей стало стыдно, что она поддалась игре воображения, но тут ей вспомнилось, что она еще ничего не сообщила Седе о своем горе. Зачем же она так откровенно говорит с ней об Утике? Эта мысль подействовала на нее угнетающе. Поняв, что чаша переполнилась и что она не в силах больше вынести тайных страданий, она неожиданно спросила Седу:

– Седа, что ты знаешь об Утике?

Седа посмотрела на царицу взглядом, выражающим удивление и неуверенность, и ничего не ответила.

– Седа, тебя спрашивает царица, почему ты молчишь?

– Об Утике, дорогая повелительница, я знаю многое, я знаю все.

– Да, помню, часа два тому назад, на террасе, ты сказала то же самое; ты сказала, что мое горе давно известно тебе, но ты не осмеливаешься тревожить меня разговорами и не хочешь растравлять моих ран. Не так ли, Седа?

– Да, дорогая царица, я именно так и сказала.

– Ну, говори теперь смелее. Своими словами ты не разбередишь моих ран, а можешь успокоить боль.

– Но если...

– Нет, нет! Мне нужен теперь верный друг, подруга, кому я могла бы открыть свое сердце. Будь моим другом, мать Седа, я больше не в силах одна переносить свое горе.

– Но ведь тебе уже все известно. Почему ты хочешь еще раз выслушать рассказ о своих горестях?

– Не спрашивай об этом, Седа. Я хочу услышать снова все, что знаю, и то, что до сих пор скрывали от меня.

– Но... я не знаю, с чего начать.

– С начала, с самого начала. Ночь длинна, а я все равно не смогу уснуть.

– Разговор мой короткий, царица, все можно высказать в нескольких словах: «Государь любит жену Цлик-Амрама». Вот и все.

Царица вздрогнула, будто молния пронзила ее сердце. Душа ее пришла в волнение, подобно морю, в которое упала сорвавшаяся с высоты скала. Лицо ее порозовело, лоб увлаж-

нился. Она не ждала такого краткого и прямого ответа. Она хотела услышать все, но не так быстро и не так обнаженно... Чтобы какая-то кормилица посмела при ней непочтительно говорить о ее супруге, государе? Неужели подобает царице выслушивать такие речи?

– Замолчи, Седа! – неожиданно приказала она, сама не зная, что ей нужно от бедной женщины.

Седа смутилась. Испуганными, немигающими глазами смотрела она на Саакануйш, не понимая причины ее гнева. Но царица молчала. Опустив глаза, она сурово смотрела вниз. Прошло несколько минут. Волнение уступило место здравому рассудку. Царица подняла глаза. Робкий взгляд и искаженное страданием лицо кормилицы заставили сжаться ее чуткое сердце. «Стоит ли из-за него обижать бедняжку? Зачем так упорно лицемерить?» – подумала царица и, протянув руку кормилице, ласково сказала:

– Седа, подойди, дай мне твою руку.

Седа подошла нерешительными шагами, не осмеливаясь протянуть своей руки.

– Подойди, дай мне руку!

Седа протянула царице свою мягкую белую руку.

Саакануйш взяла ее и нежно, глядя в глаза кормилице, произнесла:

– Мать Седа, я тебя обидела, прости меня! – Сказав это, она поцеловала руку кормилицы так быстро, что Седа не успела ей помешать.

– Моя царица, моя славная повелительница, что ты делаешь? – вздрогнув, воскликнула Седа и, опустившись перед Саакануйш на колени, прильнула к ней. Не в силах сдержать себя, она расплакалась.

– Не волнуйся, Седа, я поцеловала руку, которую много раз целовала в детстве, она так часто ласкала меня и оберегала. Я поцеловала руку женщины, которая выкормила меня своим молоком и была мне второй матерью. Встань, Седа, обними свою Саакануйш. Помнишь, ты не раз говорила, что имя Саакануйш очень длинное и тебе хочется называть меня Саануйш? Как безвозвратно умчались нежные дни детства и сколько радостей бесследно исчезло вместе с ними! Из всего прошлого ты одна осталась у меня, моя добрая Седа. Встань, обними и поцелуй меня.

Седа поднялась и, взяв в свои руки прекрасную голову царицы, стала покрывать поцелуями ее светлый лоб и обнаженные плечи, наполовину прикрытые густыми волнистыми волосами.

– Ах, как нежны материнские поцелуи! – прошептала Саакануйш и, прильнув к кормилице, зарыдала. – У меня нет матери, Седа! Будь же мне матерью.

– Не плачь, моя бесценная Саануйш, я твоя мать, твоя служанка, твоя раба! Не плачь, моя дорогая повелительница!

Они долго плакали в объятиях друг у друга. Потом кормилица встала и подошла к столу. Взяв чашу, она наполнила ее фруктовым соком и подала царице.

– Выпей, это успокоит тебя.

Но Саакануйш, не видя и не слыша ничего, вдруг заговорила словно в забытьи:

– Ах, Седа, почему я не вышла замуж за какого-нибудь пастуха?..

– Что ты говоришь, царица? – в недоумении спросила Седа.

– Да, тогда наши князья стали бы высмеивать Саака Севада. Сказали бы, что могущественный князь Гардмана выдал свою дочь за горного пастуха. Я не была бы армянской царицей, супругой Ашота Железного, меня бы не украшали великолепные драгоценности, золотая парча, серебро и слоновая кость. И войска не склоняли бы передо мной знамена и копыя. Но в пастушьей хижине моя душа и сердце были бы спокойны, мой отец и любимый брат не лишились бы зрения, и я тайными слезами и вздохами не оплакивала бы беспрестанно старость одного и цветущую молодость другого... И все из-за наглой и низкой женщины... Ах, я теряю рассудок, как подумую об этом...

– Царица, ты опять волнуешься. Выпей, умоляю тебя! Напиток успокоит твое сердце, – просила Седа.

Царица взяла чашу и отпила немного. Освежающий напиток умерил огонь, горевший в ее сердце. Она умолкла. Седа, воспользовавшись этим, выбрала из принесенных прислужницей фруктов кисть золотистого винограда и подала ее царице.

– Это тоже успокоит тебя, отведай несколько ягод, – предложила она.

– Хорошо, но присядь ко мне и расскажи все, что знаешь, – велела Саакануйш.

Седа повиновалась. Придвинув к постели скамью, она села.

– Так. Теперь начинай.

– Ты взволнована, моя царица. Зачем говорить о наших несчастьях? – взмолилась Седа.

– Я желаю знать все, что знают другие о моем горе. Это необходимо, это может помочь делу, и потому ты должна рассказать мне не только то, что знаешь сама, но и все, что слышала от других.

– Если это поможет тебе...

– Да, непременно поможет, – сказала царица повелительным тоном.

Седа склонила голову и погрузилась в раздумье. Она, видимо, старалась воскресить в памяти прошлое. Это было нетрудно. То, о чем она должна была рассказать, произошло в течение последних четырех-пяти лет. Седа ничего еще не успела забыть. Но ее мучила мысль, рассказать ли царице все, что было ей известно, или только то, что могло удовлетворить любопытство Саакануйш и не причинить ей новых огорчений. Царица догадалась о сомнениях Седы и сказала с грустной улыбкой:

– Знаю, моя добрая Седа, почему ты не решаешься говорить. Ты не хочешь волновать меня, не так ли? Но скрытая рана доставляет больше страданий, чем открытая. Говори свободно и искренне. Этим ты принесешь облегчение моему сердцу, а я обещаю тебе, что буду слушать спокойно.

– Да, моя славная царица, я боялась, не взволнует ли тебя мой рассказ. Но теперь, раз ты угадала мои мысли и обещаешь слушать спокойно, я поведаю все, что знаю, не утаив ничего, если это, как ты говоришь, может помочь тебе.

Седа уселась поудобнее, поправила полы своей одежды и, устремив взгляд на полную ожидания Саакануйш, начала мягким спокойным голосом свой рассказ.

4. О том, как решалась судьба Саакануйш

– То, о чем я должна рассказать тебе, милая царица, относится к недавнему прошлому. Многое из этого, вероятно, помнишь и ты, – так начала Седа. – Прошлое умерло и не воскреснет, но в нем скрыт корень наших печалей, и, если мы хотим смягчить их, нам надо вернуться к прошлому.

– Да, Седа, ты должна начать с прошлого, потому что мое настоящее схоронено в могиле. Может быть, в твоих рассказах я найду то, что оправдает его передо мной. О, как бы я хотела, чтобы он был невинен!

– Ты говоришь о государе?

– Продолжай, Седа! Об этом после.

– Ты была тогда еще юной девушкой и порхала во дворце отца весело и беззаботно, как бабочка в весеннее утро. Твоя покойная мать горячо любила тебя, а князь Гардмана нежно ласкал и баловал. Ты была единственной радостью своих братьев. Какие только развлечения не придумывались для тебя! Во дворце Саака Севада было одно только украшение – прекрасная Саакануйш; во всем Агване одна звезда – княжна гардманская. Ты помнишь праздники и игры, которые так часто устраивались во дворце твоего отца, скачки и состязания, которые происходили перед нашей крепостью? Все это делалось ради тебя.

– Почему ради меня, мать Седа? Ведь отец мой был человек веселого нрава.

– Нет, моя дорогая, таким его считали другие. Соседние князья даже порицали его за неуместную расточительность. Но владелец Гардмана не был ни мотом, ни гулякой. Он был единственным князем армянской земли, который наряду со скромностью, умеренностью и смелостью любил и ценил знание. В своем княжестве он основывал школы, приглашал учителей, и в монастырях Гардмана процветала наука. Все это тебе хорошо известно.

– Конечно.

– Вместе с тем он был и большим хлебосолом. Его часто посещали арцахские, сюнйские, васпураканские и многие другие именитые князья и даже члены царской семьи. Разве мог владелец Гардмана отказать им в подобающем приеме? Тем более что многие из них посещали Гардман с тайной целью добиться права называться женихом его прекрасной дочери. Родители об этом тебе ничего не говорили, но все праздники, турниры и скачки устраивались для того, чтобы ты имела возможность выбрать среди соперничавших между собой князей милого сердцу и достойного твоей любви жениха. Отец твой не хотел отдавать предпочтения никому из тех, кто просил твоей руки. Все они были храбрые, красивые, богатые и доблестные князья. Принимая одного и отказывая другому, он мог возбудить зависть и вражду между ними. Он видел, что большая часть гибельных распрей в нашей стране происходила от подобных причин. Вот почему он всем говорил: «Моя Саакануйш станет невестой того князя, которого она сама выберет». Этому условию безропотно покорились все. Но если ты помнишь, ты не выбрала ни сюнйского князя Смбата, ни государева брата Гургена Арцруни, ни храброго Ашота Андзевского, ни владетельного князя могцев Григора и никого из сепухов⁶ из рода агванцев.

– Да, помню, никто из них не пришелся мне по сердцу. О, как я жестоко наказана за свою гордость...

– Царица, если ты волнуешься, прикажи мне замолчать.

– Нет, Седа, говори, но не начинай так издалека.

– Так надо, дорогая госпожа, лучше рассказать все по порядку, чем торопиться и не упомянуть о главном.

– Ты, верно, хочешь, чтобы я заснула, не дослушав главного? – улыбнулась царица.

⁶ Сепухи – младшие сыновья владетельных князей.

– Нет, я... все расскажу, – произнесла Седа, улыбаясь через силу.

– Поняла, поняла твою хитрость. Добрая женщина, как ты заботишься обо мне!.. Но все равно я не буду спать в эту ночь, а поэтому Расскажи все, что знаешь. Я жду.

– Итак, милая царица, ты отказала всем женихам и этим повергла нас в печаль. Мать твоя была недовольна тем, что князь предоставил тебе право выбора. Да и я, что греха таить, была согласна с княгиней. Но отец твой качал головой и говорил: «Моя Саануйш выберет себе достойного жениха. Ее супруг, вероятно, будет иметь титул выше княжеского».

– Несчастный! Он предвидел мою судьбу... Но если бы он мог также предугадать, что этот жених, имеющий титул выше княжеского, принесет ему, моему бедному отцу, такое несчастье...

– Прекратим беседу. Как бы я осторожно ни говорила, я взволную тебя. Ты не можешь слушать спокойно. Хочешь, я расскажу тебе об умерщвленных мучениках Давиде и Гургене, князьях Гнуни? О, какая это потрясающая и вдохновенная повесть... Это произошло в Двине, восемь лет тому назад, по приказанию Юсуфа, этого исчадия ада.

– Продолжай, Седа! У меня нет желания слушать рассказы об убийствах. Продолжай, я буду молчать.

– Хорошо, посмотрим... Итак, пророчество князя сбылось. Помню, как сегодня. Счастливые то были дни... и вот они прошли. Но что не проходит в этом мире? «Суэта суэт и всяческая суэта», – сказал Соломон.

– Как ты медленно рассказываешь, Седа!

– Сейчас, сейчас, моя повелительница, больше не буду медлить, – сказала Седа, тоже улыбаясь. – Но не томись, если я начинаю издалека. Что делать? Не могу забыть этих памятных событий.

– Говори, мне не скучно.

– Да, когда царя Смбата распяли перед Двином... какие тяжкие дни нам пришлось пережить, даже вспомнить страшно... Тогда царевич Ашот находился еще в Утике.

– Опять Утик? Ах, Седа, не произноси этого названия, я не хочу его слышать...

– Царица...

– Пусть сгинет Утик, чтоб мне не слышать больше о нем! – воскликнула царица, и от внутреннего волнения так изменилась в лице, что Седа съежилась, как человек, совершивший преступление. Она умолкла и робким взглядом следила за Саакануйш. Царица не смотрела на кормилицу. Ее прекрасные, тоскующие глаза были устремлены в окно, сквозь которое проникал в комнату молочный свет луны. Казалось, царица разглядывала лунные блики на оконной нише, смотрела на смутно виднеющиеся вдали темные горы. Но это было не так. Она не видела ничего. Сердце ее было взволновано, душа смущена, а мысль витала в темном, пустом пространстве. Неясные картины ее горестей не занимали ее. Мысленно она была в темной, беспросветной дали, где царили одиночество и молчание.

Царица долго оставалась в таком состоянии. Наконец она глубоко вздохнула. Утомленная, как, после тяжелого труда, она посмотрела на Седу и кивнула головой. Бедная кормилица, не дыша, скрестив руки на груди, смотрела на царицу. Ей казалось, что ее любимая Саануйш, не имея сил вынести тяжести горя, сходит с ума. Она растила ее бережно и нежно, словно прекрасную лилию в царском цветнике. Только весенний ветерок мог касаться и колыхать ее, только утренняя роса могла омывать ее лепестки. И вот этот цветок, эта белоснежная лилия сломлена жестокой бурей, ударами тяжкого горя. «Как перенести ей это?» – думала Седа. Заметив устремленный на нее безмятежный и спокойный взгляд царицы, Седа перевела дух и опустила руки.

– Продолжай, Седа, – сказала царица мягким, умиротворенным голосом.

– Продолжать? Но... не знаю, не помню, где я остановилась... Меня так смутило твое волнение...

– Ты рассказывала о царе Смбате и о том, как его распяли перед Двином.

– Да, вспомнила, но зачем говорить?.. Моя царица, мой ангел, ты огорчаешься. Твоя Седа постарела, рассказы ее причиняют тебе боль. Что мне делать?

– Нет, Седа, так лучше. Я теперь вижу, что твой рассказ помогает мне. Это хорошо. Я, вероятно, скоро примирюсь со своей участью. Продолжай!

– Конечно, конечно, нельзя же все время страдать. Бог никого не создал для страданий. Мой ангел, отпей немного сока, он успокоит тебя, – сказала Седа, осмелев от слов царицы, и, встав с места, принесла ей питье. Царица нехотя выпила и, чтобы не огорчить Седу, не выказала своего недовольства. Вернув чашу, она оперлась о бархатные подушки и продолжала молча слушать рассказ.

– Итак, этот ужасный, позорный удар обрушился на нас. Нашего святого, доблестного государя распяли на кресте перед самой столицей. Если б армянские князья объединились и поддержали своего героя-государя, они общими силами могли бы противостоять врагу родины. И не случилось бы несчастья, если бы изменник Гагик Арцруни, ослепленный тщеславным желанием царствовать, не присоединился к востикану Юсуфу, лютому врагу нашей родины, и не удвоил бы его губительной силы. Он помог Юсуфу вторгнуться в нашу страну; гибли армянские воины, превращались в руины замки и дворцы. Все это видел доблестный царь, находящийся в крепости Капуйт. Враг был бессилен взять крепость. Но царь не мог равнодушно смотреть на тысячи жертв, на беспрестанно льющуюся кровь. Он сказал: «Враг преследует только меня. Неужели я допущу, чтоб родина моя погибла? Не лучше ли спасти ее своей кровью, раз изменники-князья притупили наши мечи и мы силой оружия не можем противостоять врагу?» Он вышел из крепости и отдал себя в руки врага, совсем как Христос, учитель любви и мира, отдал себя дикой, озверелой толпе, чтобы быть позорно распятым на Голгофе...

При этом присутствовал и Гагик Арцруни, армянский Иуда. Нет, его нельзя назвать даже Иудой. У Иуды была хоть какая-то совесть. Когда Иуда понял, что предал своего невинного и доброго учителя за тридцать сребреников, он повесился. А Гагик Арцруни, увидев, что самоотверженный и храбрый царь погиб от руки врага, сел на лошадь и поспешил в свою страну, чтобы там увенчать себя короной, полученной от Юсуфа и проклятой народом. И это чудовище еще живет на свете, устраивает в Васпуракане празднества, а на острове Ахтамар воздвигает, говорят, великолепный храм. Зачем? Неужели он хочет усыпить гнев предвечного или спасти себя от проклятий будущих поколений? Почему, о милосердный господь, ты не разрушишь над ним церковные своды? Неужели ты примешь молитвы и литургии, которые будут служить тебе в храме, воздвигнутом рукой изменника?..

Воспоминания растревожили Седу. Губы ее задрожали.

– Род Арцруни богат изменниками, – сказала царица, – добра ждать от них нечего. Меружан Арцруни вступил в сговор с Шапухом, чтобы уничтожить христианство в Армении и похитить престол у Аршакуни. Но тогда народ был силен, и изменник был жестоко наказан. Ваче Арцруни со своими сторонниками присоединился к Враму и, предав армянского царя Арташира, погубил царство Аршакуни. А теперь Гагик Арцруни вступил в союз с арабами в надежде уничтожить все, что имели Багратуни, – и только потому, что царь Смбат не отдал ему Нахиджеван, который является родовым владением сюнийского князя Смбата. Не надо волноваться: не может шиповник приносить виноград, а терновник – смоквы.

– Как же не волноваться, когда видишь, что после всех этих преступлений он собирается воздвигнуть себе памятник для обмана грядущих поколений?

– Его храм не будет стоять вечно, – сказала царица, – но имя предателя останется за ним навсегда. Гагик позаботился о своем имени. Говорят, монах из его рода, Фома Арцруни, пишет историю дома Арцруни. Конечно, этот монах причислит своего родича к героям. Но напишут и другие, Седа. Правда обнаружится. Однако о чем мы с тобой говорили?..

– Я рассказывала о том, как твой супруг-герой, услышав о мученической смерти своего отца, царя Смбата, о падении Ерынджака, о взятии в плен Юсуфом сюнийской княгини и других знатных женщин, с быстротой молнии спустился в Багреванд. Он был охвачен пламенной жаждой мести. Надо было видеть его, когда он с войсками проезжал через Гардман. В те дни ты с матерью-княгиней гостила в Хачене. Подобно горному потоку, подобно весенней грозе, пронесся он через наши равнины. Войско его было невелико, всего шестьсот человек, но каждый из них победил бы сотню арабов. Все воины были высокие, статные, в броне, они были вооружены железными щитами, могучими копьями, тяжелыми мечами. Глаза их метали искры. А сам царевич!.. Разве я в состоянии его описать? Он был как древний бог. Когда трубы возвестили о появлении царевича и он на сюнийском коне подъехал с передовым отрядом к крепости, Гардман дрогнул. Народ, затаив дыхание, следил за ним. И сколько уст в эту минуту благословляли его, желая ему удачи!

Около замка он сошел с коня. Все увидели, что это настоящий витязь – высокий, широкоплечий, смуглый, с красивыми живыми глазами, которые светились добротой, когда он говорил с нами, и сверкали огнем, когда он отдавал приказание войску. По случаю смерти отца он был еще в трауре. Он не носил золотых и серебряных украшений. Даже шлем его был из вороненой стали. Лицо его было печально. Но это ничуть не умаляло его мужественной красоты.

С князем Сааком они обнялись у входа в замок. Они расцеловались и прослезились, вспомнив смерть несчастного государя. Царевич оставался у нас всего несколько часов. Все усилия князя задержать его хотя бы на день оказались тщетными. «Не время угощать и угощаться, князь, – сказал он твоему отцу, – враг унижает нашу страну, надо спешить ей на помощь».

– Я дам тебе отряд моих храбрецов, если ты обещаешь после удачного похода вернуться в Гардман и погостить у меня хотя бы неделю, – сказал князь царевичу.

– Обещаю вернуться после спасения моей страны, – ответил царевич. – А за твою помощь я в долгу перед тобой. На храбрость гардманского войска я могу положиться.

И князь дал царевичу отряд из пятисот храбрецов, которые охраняли границу Гардмана.

На закате царевич уехал с войском, полученным от князя. Никогда не забуду минуты, когда он, расцеловавшись с князем Сааком, пришпорил своего словно окрыленного коня. Сотни гардманских девушек впились в него глазами. Сверкнув в воздухе стальным мечом, он громко воскликнул: «Вперед, мои храбрецы!» Ущелье Гардмана ответило таким гулким эхом, словно крикнуло сто человек. «Да здравствует царевич! Да здравствует на многие лета!» – загремело войско и помчалось вперед. Князь проводил царевича до гардманского моста, а вернувшись, сказал мне:

– Седа, я рад, что Саануйш не было сегодня. Этого, видно, хотел бог.

– Почему? – спросила я князя.

– Царевич красивее всех князей, которые просили руки моей дочери. Если бы Саануйш была здесь, этот богатырь, наверное, покорил бы ее сердце.

– Ну, что ж? – сказала я князю. – Неужели ты отказал бы будущему армянскому царю?

– Нет, Седа, я бы не отказал. Но еще не известно, наследует ли он престол отца. Ему предстоит трудная борьба с внутренними и внешними врагами. Для этого нужна гигантская сила, великий труд и большой опыт. И кто знает, удастся ли царевичу одержать победу?

– А если царевич будет побежден? – спросила я.

– Тогда он потеряет престол. В этом случае моя дочь была бы несчастна. Теперь же она свободна от этого страха. Если Ашоту удастся унаследовать престол отца, я сделаю его своим зятем.

– А может быть, гардманская княжна не покорит его сердце? – спросила я князя.

– Тогда это сделает за нее поддержка могущественного Саака Севада, – сказал князь уверенно. – Отряд храбрецов, который я ему дал, – залог обручения. Он сказал: «Я в долгу

перед тобой». Мы поняли друг друга, и царевич вспомнит свое обещание, тем более что и в будущем ему нужна будет моя помощь.

– Значит, моя Саануйш будет царица? – спросила я твоего отца.

– Да, я решил это, как только царевич въехал в Гардман, – ответил князь твердым голосом.

– В этот день, моя дорогая Саануйш, была решена твоя судьба.

5. О том, какие препятствия угрожали судьбе Саакануйш

– Войско царевича уже до прихода в Гардман, – продолжала Седа, – вступило в бой с отрядом арабов, находившимся в Бердадзоре. Царевич разбил и рассеял их. В этом сражении один из соратников царевича оказался ранен и вынужден был остаться в нашей крепости до выздоровления. Это был князь Геворг Марзпетуни. Князь был ранен в правую руку. Его лечил опытный лекарь. Хотя рана и не была опасной, но нуждалась в длительном лечении. По приказу Севада, я стала ухаживать за больным, и, чтобы он не скучал, сидя около него, подолгу беседовала с ним. Князь Геворг был милым и добрым человеком. Вскоре мы подружились. Он рассказывал о военных событиях и поведал о царевиче много такого, что внушило мне добрые чувства к нашему будущему государю. Во время одной из бесед я сказала князю Геворгу:

– Мне кажется, что гардманская княжна будет супругой царя.

– Почему ты так думаешь? – спросил он.

– Князь Севада высказал такое желание, – сказала я. – Если бы князь не имел твердой надежды, он не стал бы говорить об этом.

– Его желание не осуществимо, – загадочно ответил Марзпетуни.

– Почему? – спросила я изумленно.

– Это тайна, выдать которую я не могу, – ответил он.

Говоря откровенно, я очень опечалилась. Князь Геворг был другом царевича и, насколько я его узнала, серьезным и скромным человеком. Он не мог говорить необдуманно. Его слова встревожили меня. «Что же может воспрепятствовать этому союзу?» – думала я. После тревожных размышлений я решила во что бы то ни стало узнать от князя эту тайну. Однажды, когда я, наложив на рану прописанное врачом снадобье, стала ее перевязывать, князь сказал мне улыбаясь:

– Чем мне отблагодарить тебя, сестра Седа?

– Благодарить меня, князь, не надо, – сказала я. – Если армянина ранят на поле боя, долг каждой армянки исцелить его раны.

– Нет, сестра Седа, я в долгу перед тобой и буду очень рад, если ты скажешь, чем я могу тебя отблагодарить.

Я улыбнулась.

– Ведь ты мне скажешь, сестра Седа? Не правда ли? – снова спросил князь.

– Я не сделала ничего, заслуживающего благодарности, – ответила я. – Но если ты хочешь оставить меня в долгу перед тобой, то, пожалуйста, я скажу, чего мне хочется.

– Говори, умоляю тебя, – сказал князь.

– Открой мне тайну, которая мешает царевичу жениться на дочери князя Севада.

Князь улыбнулся и ничего не ответил.

– Разве это так трудно сделать? – спросила я.

– Очень трудно, сестра Седа. И я вдвойне буду тебе обязан, если ты возьмешь обратно свою просьбу.

– Нет, или это, или ничего!

Князь покачал головой:

– Эту тайну не знает даже моя жена, княгиня Гоар. Прости меня, сестра Седа, ты, конечно, почтенная женщина, но я вообще боюсь доверять тайны женщинам.

– Ах, князь, это старое заблуждение, переходящее от отца к сыну, – сказала я. – На самом деле женщины умеют молчать лучше, чем мужчины.

Князь рассмеялся.

– Ты с этим не согласен?

– Мы с тобой друзья, сестра Седа, и потому мне нет надобности скрывать от тебя свои взгляды, – сказал князь. – Женщины крепко хранят только свои любовные тайны, а для всего остального уста их раскрыты.

Я засмеялась, потому что в душе была согласна с ним.

– Но я в этом отношении совсем не похожа на других женщин.

– Все женщины говорят о себе то же самое, – заметил, смеясь, князь. – Ни одна из них не хочет походить на другую. Но в жизни я еще не встречал хотя бы двух женщин, не схожих между собой. И как раз лучшая из них оказывалась самой слабой.

– Ты так плохо говоришь о нас, что я могла бы обидеться и взять свою просьбу обратно, – сказала я князю. – Но я не обижаюсь, в твоих словах есть доля правды. Своим примером я хочу доказать, что существуют на свете и такие женщины, которые умеют молчать.

– Я ждал, когда ты это скажешь, сестра Седа. Теперь я могу исполнить твою просьбу, не нарушая своего долга, – серьезно произнес князь. – Я сообщу тебе тайну, которая известна только мне, как другу и соратнику царевича. Надеюсь, что эта тайна умрет в твоём сердце.

– Да, – подтвердила я.

– Царевич не может жениться на дочери князя Севада потому, что он любит другую, которой он предан душой и сердцем, – сказал князь почти шепотом.

– Кого, Седа, кого? Жену Цлик-Амрама, да? Скажи скорей, ее назвал князь? – вскочив с места и почти задыхаясь, воскликнула царица.

– Сейчас, милая, сейчас. Не торопись. Этим ты ничего не изменишь, не мучай же зря себя.

– Ах, Седа, ты испытываешь мое терпение... Что ты медлишь?

– Я вовсе не медлю.

– Значит, жену Цлик-Амрама?

– Нет.

– Но кого же?

– Цлик-Амрам тогда не был женат.

– Кого же он любил?

– Дочь князя Геворга, родоначальника севордцев.

– Князя Геворга, который вместе со своим братом Арвесом был замучен в Пайтакаране начальником евнухов князя Апшина?

– Да, царица.

– Но ведь это она, Аспрам! Дочь князя Геворга была когда-то невестой царевича, а теперь жена Плик – Амрама.

– Да, это так.

– И любовница царя, моего мужа.

– Тише, милая царица! Прислужницы часто подслушивают.

– Ах, Седа, к чему эти предосторожности?... Мое горе и без того известно всем!

– Нет еще, царица, еще нет...

– Хорошо, рассказывай, что сказал затем князь.

– Он сказал, что царевич любит эту девушку.

– Это я уже слышала. А ты не спросила, как началась эта злосчастная любовь?

– Как же, спросила; и он рассказал мне следующее. Еще до смерти князя Геворга царевич Ашот был заложником у Апшина. Начальник евнухов, убивший родоначальника севордцев, был близким человеком царю Смбату. Царь, узнав о смерти князя Геворга, написал обвинительную грамоту, требуя кары за его убийство. Начальник евнухов, чтобы смягчить сердце царя, тайно от Апшина освободил царевича Ашота вместе с несколькими армянками княжеских фамилий и отправил их к царю. Смбат, конечно, выразил ему свою благодарность, а царе-

веча Ашота отправил в Утик, чтоб утешить вдовую княгиню севордскую. Вот тут-то молодой Ашот и встретил прекрасную севордскую княжну.

– И влюбился в нее?

– Да. В доказательство этой любви князь Марзпетуни привел один случай, достойный внимания.

– Какой же именно?

– Когда, по приказу Юсуфа, тиран Гагик Арцруни со своими и арабскими войсками напал на царя Смбата, чтобы взять в плен и убить его, царь поставил во главе войск своих сыновей Мушега и Ашота и послал их против Гагика. Братья, встретив тирана, вначале разбили арабов, но в конце боя отряд севордцев, которыми командовал Ашот, изменил своему начальнику, оставив поле битвы. Армянское войско потерпело поражение, а Мушег, сражавшийся, как лев, попал в руки врагов. Но даже эта измена не охладила Ашота к севордцам. Он вместе с ними вернулся в Утик, несмотря на то, что брат его был пленником в Двине.

– Как давно началось мое несчастье...

– Я же говорила, что корни твоих невзгод скрыты в прошлом.

– А потом? Почему же потом Ашот оставил севордскую княжну и женился на мне?

– Государственные расчеты, моя царица! Этому брака требовали интересы царства. Ашот оказался один против сильных врагов. Саак Севада со своим гардманским войском был выгодным союзником.

– И дочь Севада была принесена в жертву...

– На то божья воля...

– Какая там божья воля? Не бог, а ты, Седа, причина моего горя!

– Я? Что ты сказала, царица? Я причина твоих несчастий?! О, не говори так! Твои слова – проклятье для меня! – взволнованно воскликнула Седа.

– Да, Седа, ты сделала меня несчастной! Если бы ты сейчас же рассказала обо всем моему отцу, он не стал бы жертвовать своей дочерью во имя интересов Ашота.

Седа многозначительно посмотрела на царицу и ничего не ответила.

– Разве я не права?

Кормилица молчала.

– Почему ты не отвечаешь?

– Моя вина гораздо тяжелее, чем ты думаешь.

– Что ты еще сделала?

– Я не сдержала слова, данного князю Марзпетуни, и в тот же день, как он покинул нашу крепость, сообщила обо всем твоему отцу. Я не могла молчать. Речь шла о твоей судьбе.

– Что же отец?

– Рассмеялся. Особенно когда я заговорила о том, что замужество с Ашотом сделает тебя несчастной.

– Почему же он рассмеялся?

– Он сказал, что молодые люди имеют до женитьбы тысячи связей, которые порываются после законного брака. Любовь царевича – случайность и вызвана жалостью, которую он почувствовал, увидев севордскую княжну, одетую в траур в дни горя. «Любовь часто рождается там, – сказал он, – где живет сострадание. Придет время, царевич займется государственными делами и забудет княжну. Я же, – продолжал он, – постараюсь направить события так, как мне этого хочется».

– И что он сделал?

– Немедленно поехал в Утик и уговорил вдову князя Геворга выдать свою дочь за достойного человека, который мог бы управлять их владениями, так как княжна была единственной наследницей Геворга.

– Ну, а дальше?

– Княгиня приняла с благодарностью его совет. Мало того, она попросила князя Севада, чтобы он сам устроил этот брак... И князь Севада, не теряя времени, уговорил тайского сепуха Цлик-Амрама жениться на княжне.

– И эта девушка могла променять такого героя, как царевич, на Цлик-Амрама? Я начинаю презирать моего супруга, когда подумаю, что он способен любить такую женщину.

– Не суди поспешно, царица! Не каждая княжеская дочь растет так вольно, как гардманская княжна, которой дано было даже право выбирать себе жениха. К тому же сепух Амрам не был простым человеком. По храбрости, красоте и богатству он не уступал самым могущественным князьям. Но если бы даже севордская княжна любила царевича как безумная, то ведь князь Севада своей искусной и убедительной речью мог охладить ее пламенное чувство.

– Настоящую любовь нельзя охладить. Женщина, полюбившая Ашота, не может забыть его. Вероятно, эту девушку довели до отчаяния, уверяя, что брак ее с царевичем невозможен.

– Может быть.

– Вот почему их любовь продолжается, несмотря на то, что оба они связали себя брачными узами.

– Может быть.

– Саак Севада собственной рукой разрушил свой дом, недаром говорит пророк: «Тот, кто роет яму для ближнего, сам в нее попадет».

– Да, конец оказался таким... Но кто мог предвидеть?

– Ах, Седа, если бы ты вовремя открыла мне эту тайну...

– Царица, а мое обещание? Разве я могла его нарушить?

– Ты нарушила ведь его, сообщив тайну отцу.

– Это другое дело. Он мужчина и человек дальновидный.

– Где же его дальновидность? Ты сама видишь, чем это кончилось...

– Мы, женщины, очень забывчивы. Небольшие горести настоящего заставляют нас забывать радости прошлого. Князь Севада уготовил для своей дочери большую славу, и ты этой славой насладились, моя царица.

– И все же настоящее затмило для меня все хорошее.

– Справедливость требует, чтобы мы смягчали наши горести воспоминаниями о радостях прошлого.

– Где они, Седа, эти радостные воспоминания? В моей брачной жизни я не видела счастья.

Седа загадочно улыбнулась.

– Ты смеешься, Седа? Попробуй напомнить мне о нем. Быть может, тогда я забуду свою тоску.

– О, для этого потребуется много времени! Раньше отдохни.

– Нет, говори... Твои рассказы успокаивают меня. Этой ночью сон не коснется моих глаз. Рассказывай, я слушаю. – Сказав это, Саакануйш легла, облокотившись обнаженной рукой о подушки. Седа накрыла ее тонким покрывалом.

– Итак, ты забыла все, моя дорогая повелительница? Если позволишь, я тебе кое-что напомним.

– Говори.

– Ты помнишь день, когда ты вернулась с княгиней из Хачена?

– Помню. Это было вскоре после того, как князь Марзпетуни покинул крепость.

– И я рассказала тебе все, что произошло в Гардмане.

– Да, и я очень жалела, что не застала царевича.

– А помнишь, как мои рассказы о нем заинтересовали тебя?..

– Помню.

– Как раз в этот день прибыл гонец из Багреванда. Гонец сообщил, что Юсуф, узнав об удачном походе Ашота, отступил в Атрпатакан. Царевич же, дойдя до Багреванда, вступил в жаркий бой с остатками полчищ Юсуфа и окончательно их разбил. Со старших князей он содрал кожу, сделал чучела и вывесил их на башнях крепостей. Это была его первая месть убийцам отца. Весть об этом навела ужас на арабов.

– Помню, как это нас всех воодушевило!.. Я наградила гонца дорогим подарком за добрую весть.

– После этого стали приходить одно за другим сообщения о том, что царевич вступил в Ширак, прошел в Гугарк, что он одерживает всюду великие победы над арабами, разбивает их войска, берет города и замки, освобождает пленных, восстанавливает разрушенные крепости.

– Рассказывали, как испугался Юсуф, услышав о боевых подвигах царевича. Он боялся, что Ашот обратит свой меч против него.

– Да, говорили так. Но царевич предпочел сначала очистить страну от арабских насильников. Поэтому, овладев Гугарком и передав его князьям Васаку и Ашоту Гнтуни, он перешел границу Грузии, чтоб освободить Тпхис⁷. Там у арабов были сосредоточены большие силы. Грузинские племена стонали под игом арабов. Как грозный ураган, пронесся Ашот до самого Тпхиса. Арабы не устояли перед его могучей армией, которая все возрастала. Армяне разбили их и, взяв в плен арабских князей, заковали их в цепи. Освободив Тпхис, армянские войска вернулись в Утик. А там, как тебе известно, в это время восстали утикцы. Не много времени понадобилось царевичу для подавления восстания. После разгрома нескольких мятежных отрядов утикцы успокоились, в особенности когда наместником над Утиком был назначен исполин Мовсес. А разве ты забыла блестящую победу царевича в ущелье Агстева, где он с шестьюстами воинами разбил наголову последний арабский отряд? Говорят, не осталось в живых ни одного араба и некому даже было принести Юсуфу известие о нанесенном ему поражении.

– Я все это знаю, Седа. Зачем ты говоришь об этом? – сказала царица.

– Чтобы показать путь, приведший к несчастью гардманскую княжну, – многозначительно ответила Седа.

⁷ Тихис – одно из армянских названий Тбилиси.

6. Радостные воспоминания о коронации и обручении

– Продолжай, – сказала царица.

Седа придвинула скамью и, переменив позу, продолжала:

– Победы царевича воодушевили тебя. Еще не видя его, ты восхищалась его геройством. Как часто ты заставляла меня повторять рассказы, которые я слышала от князя Марзпетуни! Какая-то неведомая сила влекла к нему твое сердце. Каждый новый успех царевича наполнял тебя ликованием. Помнишь, ты велела подарить участок земли гардманскому воину, который привез весть о победе у Агстева? Конечно, все это не могло укрыться от пронизательного взгляда князя Севада. И он, единственной радостью которого было исполнять твои желания, не мог оставаться равнодушным к твоим чувствам, тем более что они не противоречили его тщеславному надеждам. Вероятно, поэтому он и поспешил уничтожить все препятствия на твоём пути, женив Цлик-Амрама на севордской княжне. И вместе с тем это было доказательством его любви к родине. Царевич, избавившись от чар этой девушки, стал с еще большим пылом заниматься государственными делами. Цепи любви часто мешают мужчине стать победителем на арене славных дел.

– Но они же часто и окрыляют его, – прервала царица.

– Любовь окрыляет только слабых, только тех, в ком погас природный огонь и кого к действию может толкнуть лишь искусственное возбуждение. Так вино придает храбрость трусливому воину. Но царевича не сломила любовная утрата. Он продолжал свое победоносное наступление до тех пор, пока не увлек за собой даже самых нерешительных. Его пример ободрил и тех князей, которые в страхе перед арабскими мечами искали спасения в крепостях. Царь Гагик и владельцы Сюника выступили из своих замков, чтобы преследовать врага. Арменией овладело всеобщее воодушевление, солнце мира возшло над страной, и народ вздохнул свободно.

вернуться

– Счастливые то были дни...

– Да, особенно когда после этих блестящих побед царевич унаследовал престол отца и его скипетр.

– Ах, не напоминай мне этого, Седа... О незабвенные часы, которые я провела там!..

– Где? В Двине?

– Как я была счастлива! О Седа, зачем бог дает человеку счастье, а потом отнимает его?

– Пути господни неисповедимы!

– Помню, я чуть не лишилась рассудка от радости, когда отец сообщил мне, что все армянские князья вместе с грузинским царем и Гургеном абхазским должны съехаться, чтобы короновать на царство царевича Ашота, и что мы как владельцы Гардмана тоже должны присутствовать на этих торжествах. О, если бы я могла вернуть эти часы или хотя бы несколько мгновений... Ты не можешь себе представить, с какой радостью, с каким необычайным воодушевлением готовилась я к царской коронации! Когда мне принесли заказанные отцом для этих торжеств драгоценности, я обрадовалась как ребенок и бросилась ему на шею, покрывая его лицо поцелуями. Ты знаешь, я не нуждалась в украшениях, драгоценные камни не имели в моих глазах никакой цены, но я обрадовалась, так как знала, что благодаря им я буду казаться еще наряднее и величественнее на празднестве, куда съедутся все армянские князья и где должны будут блистать пышной роскошью цари Грузии и Абхазии. О, как мне хотелось превзойти красотой всех знатных женщин, быть предметом всеобщего внимания и восхищения и чтобы это видел Ашот Железный!

– Отец угадал твои мысли. Он постарался, чтобы дом Гардмана превосходил своим богатством и могуществом другие армянские княжеские дома в Двине. Ради этого он привел с собой в столицу все свои войска, оставив в Гардмане только сторожевые отряды.

– Ты права, Седа, в Двине нам был оказан царский прием. Родители мои ничего не говорили, но мне казалось, что приближенным царя была уже известна тайна нашего будущего союза. Из всех княжеских семейств только для нас были приготовлены покои в царском дворце. Даже грузинского царя Атырнерсеха приняли в покоях католикоса, а абхазского князя Гургена во дворце царского брата, князя Абаса.

– Вероятно, здесь и завязалась дружба католикоса с царем Атырнерсехом.

– Да, как и дружба моего деверя Абаса с абхазским князем Гургеном. Но дружба первых не принесла нам вреда, между тем как вторая стала причиной тяжких бед.

– Да, если бы Абас, царский брат, не женился на дочери князя Гургена, не произошло бы многих горестных событий.

– Конечно, армянка не стала бы сеять рознь между родными братьями. Впрочем, оставим это... На чем я остановилась?

– Ты говорила, что вам оказали царский прием.

– Да! Не могу описать, как страстно я желала видеть молодого государя, героя, который в такой короткий срок разбил и уничтожил врага, освободил народ от рабства, привлек и полонил сердца князей. Забыв междоусобные войны, князья объединились вокруг него, чтобы увенчать царской короной его благородную голову. В первый раз, когда мы должны были представиться ему, сердце мое готово было разорваться от радости и страха. Я была рада, что наконец увижу обожаемого героя, и... боялась, что он будет ко мне равнодушен. Седа, ты не знаешь, какая я тогда была гордая! Я со стыда могла бы умереть...

– Но почему же, царица? Разве царевич мог быть непочтителен к своим знатым гостям?

– Я не хотела оказаться в числе простых гостей. Я ждала иного приема. Не знаю почему, но я была уверена, что непременно буду его женой. Тщеславная и дерзкая мысль, не правда ли? Но моя мечта осуществилась...

Он нас встретил у главных дверей тронного зала. И ты знаешь, что со мной случилось? Увидев царевича, я остановилась за несколько шагов от двери. Он обнялся с моим отцом, поцеловал у моей матери руку, но я не подошла к нему. Я ожидала, пока он сам приблизится ко мне. Что это было, Седа? Можешь ты мне объяснить?

– Вероятно, чувство родовой гордости гардманских князей, и ничего больше.

– Ты ошибаешься. Душа моя вдруг ощутила, что сердце, которое я хотела покорить, занято другой. Встреча с этим величественным и славным героем меня совершенно не смущала. Вначале, правда, я загляделась на него. Он был еще прекраснее, чем я его себе представляла. Но как только он посмотрел на меня, я снова приняла свой прежний неприступный вид. Он подошел ко мне, ласково и любезно улыбаясь, и приветствовал меня с такой тонкой почтительностью, что я была покорена. И мы осмеливаемся говорить о гордости!.. Мы! Женщины! Разве может быть женщина гордой, разве может она похвастаться чувством собственного достоинства? Нежный взгляд, улыбка мужчины, которого она любит, и все кончено! Женщина становится пленницей и рабой... Не так ли, Седа?

– К сожалению, так, милая царица, – сказала Седа, глубоко вздохнув.

Бедная женщина, видимо, вспомнила свое прошлое и подобный же случай из своей жизни.

Царевич повел нас в зал, где сидела царица-мать. Это была добрая, милая женщина. Хотя убийство государя, ее супруга, сильно надломило ее, но следы былой красоты еще сохранились на ее благородном лице. «Подойди ко мне, моя гордая княжна. Давно я хотела видеть ту, которая с таким упорством отказывает всем нашим князьям», – сказала она и, обняв меня, горячо

поцеловала. Золотое ожерелье, которое она мне подарила в залог обручения, – самая любимая моя драгоценность. Дай мне его, Седа, я хочу полюбоваться им! – попросила царица.

Седа встала и принесла ожерелье, которое незадолго до того прислужницы сняли с царицы.

– Никогда, никогда я не расстанусь с ним. И когда я умру, Седа, непременно скажи, чтобы его положили со мной в гроб.

– Милая царица, почему такие грустные мысли? Пусть умирают твои враги или те, кто понапрасну обременяет мир.

– Увы, оно принадлежит не мне!.. Но та минута, когда это ожерелье обвилось моей шеей, была самой счастливой в моей жизни. Я никогда ее не забуду.

– Значит, царица-мать подарила тебе его в первую же вашу встречу? – спросила Седа с любопытством.

– Нет, я еще не все рассказала. Через два дня происходила царская коронация. Собор святого Григория был переполнен. Там находились: католикос Иоанн, старейшие епископы, весь царский род, нахарары⁸ княжеские семьи и вся армянская знать. Но среди них самым прекрасным был царевич Ашот. Все взгляды были устремлены на него, все мысли были заняты им. С начала торжества и до его конца прекрасные девушки не сводили с него глаз. Я тогда еще не знала, какие у меня права на него, но уже начала ревновать, так он был прекрасен. Только возвышенные молитвы и обряд коронации охладили немного мой пыл и заставили молиться вместе со святыми отцами о здравии новокоронованного царя и даровании ему побед. О, какие это были возвышенные молитвы и сколько в них было горячей веры!

– Блаженны глаза твои, царица, что видели это торжество, и уши твои, что слышали эти молитвы. Дождаться бы и мне когда-нибудь... Ах, что я говорю... да продлит господь жизнь моего государя.

– Да, Седа, это было возвышенное и трогательное зрелище. Я удивляюсь, как царь, помазанный с таким торжеством, мог сойти с пути истинного и как присутствующие на подобном празднестве князья могли изменить ему... Когда католикос, после опроса государя, обратился к народу и спросил: «Хотите ли вы находиться под властью сего человека так же, как он обещал хранить вас, и хотите ли вы верой и правдой утвердить его царствование и исполнять покорно его приказания?» – вся церковь в один голос воскликнула: «Да, да, он наш владыка и царь!» А теперь, кто из князей остался ему верен, кто не восстал против него?..

– Ах, милая царица, расскажи, умоляю тебя, как происходил обряд коронации? А из молитв ты ни одной не помнишь?

– Они очень длинные, Седа, пересказать их невозможно. Надо их слышать, видеть торжество. Прежде всего царю вручают меч, потом царский перстень, затем корону.

– А молитвы?

– Каждый раз читают особые.

– Что, например, говорят при вручении меча? Это очень любопытно. Дают ему право разить?

– Конечно. Но... что я хотела вспомнить? Забыла... Подожди. Да, его взгляд... Он ни на кого не смотрел. Все ловили его взгляд, но никто не знал, на кого он посмотрит. Когда епископы вручили ему меч и католикос высоким и ясным голосом прочел: «Прими меч сей из рук апостольских епископов. Сим воцаришься ты во спасение церкви и всего народа, который твоей державной рукой опекается. Опояшь меч вокруг чресел своих, и царствуй в духе истины, и да возвысишься сим над нечестивыми и неверующими... и да спасешь сим народ свой и церковь и будешь споспешником вдов и сирот, освободителем пленных и утешителем сокрушающихся...» Тут государь поднял в первый раз свой взор и остановил его на мне. Мне

⁸ Нахарары – крупные феодалы, занимавшие высокие государственные должности.

казалось, будто он говорит: «Это все я должен совершить вместе с тобой». Все присутствующие это увидели, и многие мне позавидовали. За этот единственный, возвышающий и внушающий гордость взгляд многие высокорожденные княжны отдали бы свою жизнь. Но он оказал эту честь только гардманской княжне. Не могу выразить, что я почувствовала в это мгновение: небо опустилось, или я поднялась в небесные высоты...

– Ах, царица, и ты все это забыла!..

– Подожди, не прерывай меня. Я больше ничего не слышала, все мое существо было проникнуто каким-то блаженным и восхитительным чувством... Слова матери-царицы привели меня в себя. Я стояла рядом с ней. «Опустись со мной на колени и моли бога, чтобы он продлил дни моего и твоего государя», – сказала она мне голосом, полным материнской любви. И мы вместе опустились на колени. Я молилась с таким жаром, как никогда в жизни. Слезы текли из моих глаз, как из родника. Были ли это слезы радости или предчувствие будущих страданий, – не знаю.

Когда кончилось торжественное служение и хор певчих запел молитвы, к руке государя подошли сначала епископы, затем мать-царица, царь Грузии, армянские князья и, наконец, знатные женщины. Из девушек я первая приложилась к руке государя, и губы мои дрогнули. Мое лицо горело. Я поспешила вместе с матерью пройти сквозь толпу, которая расступилась перед нами и стала посылать мне вслед благословения. Государь вышел из церкви, окруженный епископами и князьями. Он сел на покрытого золотой броней коня, над которым высоко держали пурпурный балдахин. Перед государем ехал спарапет⁹, по сторонам князь-знаменосец и князь – налагатель венца, а затем вооруженный отряд телохранителей. За ними следовали царская семья и высшая знать. А то, что творилось на улицах города, не поддается описанию. Весь Двин, обратившись в одно дыхание и в один взгляд, ожидал выхода своего государя. Когда показалось знамя спарапета, Двин дрогнул от радостных возгласов. Гремели улицы, площади, бойницы, башни и даже находящиеся за городом бастионы. Народ благословлял и величал Ашота Железного.

По возвращении во дворец мы тотчас же отправились поздравлять государя. Здесь были все князья и княгини. После наших поздравлений мать-царица посадила меня рядом с собой на расшитый золотом диван и стала занимать разговорами. Чем я ей понравилась, не знаю, но видно было, что душой и сердцем она привязалась ко мне. Вопреки принятому обычаю, царица очень долго задержала нас у себя. Когда мы уходили, она сняла с шеи вот это ожерелье и, надев его на меня, сказала: «Это дар императора Василия супруге Ашота Первого. Я получила от нее это ожерелье. Тебе же я дарю его как будущей царице. Твоя преемница унаследует это ожерелье от тебя, и дар последней ветви аршакунских царей останется в царском роде Багратуни». Сказав это, она обняла меня и горячо поцеловала. Все было решено. Я стала невестой царя. После этого можешь себе представить, как счастлива я была в царских палатах Двина.

Но, увы, от всего этого остались лишь одни светлые воспоминания и это ожерелье, обвившее мою шею в самые счастливые минуты моей жизни...

⁹ Спарапет – главнокомандующий армянскими войсками.

7. О неизвестных царице бедствиях, перенесенных армянским народом в течение трех лет

Царица умолкла на полуслове. Радостные воспоминания не успокоили ее, а, наоборот, усилили страдания. Положив голову на руки, царица молчала несколько мгновений. Потом, не в силах преодолеть душевного волнения, она заплакала.

Седа, увидев ее слезы, встревожилась:

– Дорогая царица, ты плачешь? Эти воспоминания о счастливых днях должны радовать тебя, а ты грустишь...

– Все минуло, Седа. Витязь, чей взгляд внушал мне гордость, чья улыбка делала меня счастливой, больше не мой и никогда не будет моим...

– Не говори так, царица. Если счастье не бывает длительным, то и несчастье не вечно. Они постоянно сменяют друг друга. Каждое начало имеет конец, и вслед за грустью приходит радость. Твой любимый герой вернется к тебе...

– Молчи, Седа!

– Надо только иметь терпение. Бери пример с нашего государя и твоего супруга. Какие только испытания не посылала ему судьба! Какие только неудачи не постигали его, но он терпением и стойкостью побеждал все трудности.

– Ах, Седа, как ты мало понимаешь!.. Такого горя, такой потери, как у меня, у него не было.

– Нет, царица, ты мало знаешь, прости меня за смелость...

– О чем ты говоришь?

– О тяжелых испытаниях, которые он перенес. Ты сейчас говорила о том счастливом дне, когда в Двине короновали победителя Ашота, а знаешь ли ты, какие ужасные несчастья обрушились на него через несколько месяцев?

– Об этом времени я почти ничего не знаю.

– Потому, что многое от тебя скрывали.

– Я вспоминаю, как по возвращении из Двина в Гардман отец однажды сказал, что нужно послать несколько отрядов государю во внутренние провинции для подавления восстаний.

– Да, ты знала только это и больше ничего.

– Иногда я спрашивала, почему Ашот не приезжает в Гардман и...

– «Когда же будет наша свадьба?» Этот вопрос ты однажды задала и мне и при этом покраснела.

– Я помню.

– А князь Севада то обнадеживал, то разочаровывал тебя, однако так, чтобы не слишком огорчить.

– Это тоже верно. Но мне не рассказывали ничего и позже, когда все вокруг обсуждали какие-то важные события.

– Поэтому тебе неизвестно, с какими бедствиями пришлось бороться бедному государю в течение трех долгих лет. Сколько героических усилий потребовалось, чтобы залечить раны, нанесенные его стране жестокими насильниками!

– Расскажи мне, что же случилось после коронации?

– После коронации? О, многое! И причиной некоторых раздоров была моя юная госпожа.

– Я?

– Да, моя царица, ты.

– Как, Седа? Это интересно.

– Ты видела сама, как армянские князья, объединившись, собрались в Двине, чтобы короновать Ашота Железного.

– Да, и как все были веселы во время этого народного праздника.

– Но очень скоро радость некоторых сменилась печалью. Они радовались воцарению Ашота, но воспротивились твоему замужеству. Многим хотелось, чтобы гордая дочь Саака Севада, отказавшая им, стала женой простого дворянина, а не армянской царицей. Но мать государя среди многочисленных княжен, съехавшихся в Двин, выбрала именно тебя. Кроме отвергнутых тобой женихов, против царя были настроены и те князья, которые имели дочерей-невест и обольщали себя надеждой, что царь станет их зятем. Ожерелье, которое так дорого тебе, разрушило эти надежды. Князья вернулись в свои страны, затаив неприязнь к царю. Княгини, матери невест, кололи самолюбие мужей и разжигали их ненависть. В конце концов в нескольких областях Армении вспыхнули восстания. Некоторые из князей, не смея идти против царя, затеяли войну между собой, рассчитывая хотя бы таким путем нарушить покой в стране. Так, Гурген, брат царя Арцруни, воспользовавшись отсутствием сюнийского князя Смбата, подговорил своего брата, тирана Гагика, осадить Нахиджеван и взять его. Гагик так и сделал. Узнав об этом, князь Смбат с многочисленным войском пошел на Арцруни, чтобы освободить свои владения. Обе стороны в яростных боях понесли большие потери. Погибло множество народа. Остальные князья, вместо того чтобы помочь царю и в случае надобности присоединиться к нему со своим войском, оставили его. Некоторые попытались даже восстать против царя. Государь вынужден был вновь отвоевывать города и крепости и вести войну в собственной стране. Грузинский царь Атырнерсех, подстрекаемый враждебно настроенными к государю армянскими князьями, попытался захватить некоторые из наших северных областей. Впрочем, эти действия были направлены скорее против тестя царя Ашота, князя Севада. Государь вынужден был пойти против Атырнерсеха и разорить несколько грузинских провинций. Раздоры вызывали все новые и новые смуты. Многие князья, воспользовавшись трудным положением царя, поднялись друг против друга, кто с целью утолить жажду старой родовой мести, кто завладеть землями другого.

В стране началась смута, и государь остался почти один. Весть об этом дошла до востикана Юсуфа. Напуганный победоносными походами Ашота, он сидел в Атрпатакане и скрежетал зубами от злобы, не будучи в силах забыть поражения своих полчищ. Он ждал лишь случая, чтобы отомстить Ашоту. Но царь в ту пору одерживал победу за победой, и все князья были сплочены вокруг престола. Юсуф ничего не мог сделать. Теперь же, когда ему стало известно о междоусобных войнах армянских князей и о том, что они отошли от царя, Юсуф воспользовался случаем, чтобы напасть на наши земли. А что сделали арабы с нашей страной, описать невозможно... Не приведи бог, чтобы когда-нибудь повторились эти времена.

– Что же они сделали, Седа? Я тебе сказала, что очень мало знаю о событиях того времени.

– О, столько надо вспомнить и столько рассказывать... История этих злосчастных лет заполнит целые книги. Разве я в силах все припомнить? Как голодные звери, вторглись арабы в Армению. Не встречая сопротивления, они завладели нашими землями. Они разрушили села и деревни, разорили города, сожгли церкви, часть народа вырезали, других заставили отречься от веры. Сопротивляющихся убивали, многих увели в плен. Ни одна красивая женщина, ни одна девушка не спаслась от насилия. Матерей убивали на глазах дочерей, отцов на глазах сыновей. Грудных детей вырывали из материнских объятий, бросали оземь головой. Всюду кровь, огонь и осквернение. Не было угла, защищенного от зверств этих чудовищ. Разорив беззащитные города и села, арабы устремились на замки и крепости. Кое-где, правда, осажденные геройски защищались и уничтожали их отряды, но во многих местах арабы изменой и силой овладевали замками и беспощадно вырезали жителей.

– Что же делал в это время государь?

– Что он мог сделать? Часть князей соединилась с врагом или сдалась ему, другая была занята братоубийственной войной с родственниками и соседями. Они сами разорили страну

не хуже арабов. Некоторые из наиболее сильных князей отсиживались в замках и не выходили на поле битвы. Царя не оставили лишь твой отец с гардманским войском, князя Сисакян с сюнйскими отрядами и князь Марзпетуни с царскими полками. Но их силы по сравнению с полчищами арабов были ничтожны. Ты спрашиваешь, что делал царь? Что он мог сделать в этих условиях? Передав часть своего войска союзным князьям, он с небольшим отрядом, как раненый лев, метался по всей стране. Воевать лицом к лицу с врагом ему было не под силу; внезапным нападением он вносил смятение в ряды противника, разбивал небольшие отряды и оказывал помощь осажденным крепостям. Он действовал один, надеясь, что не сегодня-завтра князья образумятся и вместе с ним пойдут на врага, чтобы изгнать его из пределов родины. Самый ужасный удар нанес государю его двоюродный брат, спарапет Ашот Деспот, который с подначальными ему войсками сдался Юсуфу и вместе с ним вступил в Двин как верноподданный тирана. Наш католикос, вместо того чтобы призвать князей к единению и сплотить их вокруг царского престола, оставил страну в смятении, народ в отчаянии, войска в нерешительности и, думая только о собственной безопасности, уехал в Грузию к царю Атырнерсеху. Что же оставалось делать царю?

– Боже мой, а ведь я об этом ничего не знала! Теперь я понимаю, почему моего отца почти никогда не было в Гардмане. Он ездил то в Сюник, то в Гугарк, то к Востану в сопровождении отряда, а иногда и большого войска...

– А на твои беспокойные вопросы уклончиво отвечал, что царь занят укреплением Карсской крепости и Еразговорса, что он окапывает новыми рвами Двин. Сам же князь со своими отрядами будто бы объезжает границы государства...

– Да, и его ответы меня успокаивали.

– Князь запретил сообщать тебе грустные вести и особенно рассказывать об ужасах войны. Однажды служанки, забывшись, кое-что тебе разболтали, но мы постарались смягчить их рассказы.

– Помню, это был рассказ о замученных в Двине юношах. Но почему же вы всё от меня скрывали?

– Ты отличалась чрезвычайной чувствительностью. Узнав о самом незначительном бое, ты часами плакала, а иногда даже болела.

– Да, Седа. Хорошо, что вы держали меня в неведении, иначе я могла бы умереть от огорчения.

– О, если бы ты знала, что мы скрывали от тебя...

– Что же именно, Седа? – испуганно спросила царица.

– Голод, появление диких зверей, волков и гиен, в городах и селах.

– О голоде я слышала.

– Что ты могла слышать, царица? Разве можно было сказать тебе всю правду? У тебя бы сердце разорвалось от ужаса. Ты знала о голоде в Гардмане, но это был не голод, а простое подорожание хлеба. Река Тырту и храбрецы Гардмана не позволили голоду проникнуть в наш край. Зато голод свирепствовал по ту сторону Гардмана. Целых два года Армения оставалась полем кровавых битв. За все это время крестьяне не могли пахать, сеять и жать. Да и как им было работать, когда поля и ущелья, горы и леса кишели арабскими разбойниками. А в тех местах, где не было арабов, армянские войска истребляли друг друга, армянские князья враждовали между собой. Хлебопашцы разбежались, сады и поля остались без ухода, а последние запасы у народа были уничтожены войсками варваров. Нужда, как чума, из хижин бедняков проникла в палаты богачей. Всюду царил голод – худшее из всех несчастий. О, счастлив тот, кто не видел этого бедствия. Люди, уничтожив все в городах и селах, разбрелись по полям, ущельям и горам, чтобы утолить голод травой и овощами. Многие умирали от ядовитых растений, но, несмотря на это, вся зелень полей и гор была съедена. После этого принялись за нечистых животных: ослов, лошадей, кошек, собак и даже червей...

- Ах, Седа, что ты говоришь! Перестань, я не могу этого слышать!
 - Да, госпожа, люди съедали все, что попадало им под руку. Но это еще не самое страшное... женское ухо не может этого выдержать...
 - Что, Седа?
 - Ты ужаснешься, я не решаюсь рассказывать.
 - Рассказывай, Седа, ты уже приучила меня к ужасам.
 - По городским площадям бродили полунагие, едва прикрытые лохмотьями люди. Многие из них умирали тут же на улицах от голода. Более сильные набрасывались на трупы и пожирали их, разрывая зубами. Над каждым трупом собиралась толпа хищников, подобно злым духам ада...
 - О, это ужасно!..
 - А что ты скажешь о грудных детях, которые слабыми ручонками отталкивали высохшие груди матерей? Те, что постарше, просили хлеба, наполняя воздух жалобными стонами. Многие, обессилив, падали на землю и умирали...
 - Ты истерзала мое сердце, Седа! Довольно!
 - Я еще не досказала самого страшного. Были и такие матери, что, подобно диким зверям, съедали своих детей...
 - Замолчи, Седа! Больше ни слова!
- И царица, побледнев от волнения, откинулась на подушки.

8. Воспоминания невесты и ее ликование по поводу приезда жениха

Ночь была на исходе. Давно пропели петухи. Седа ждала, когда царица, устав от ее рассказов, ляжет наконец в постель и прикажет ей уйти. Но тщетны были ее надежды. Конец повести, видимо, сильно взволновал царицу, и потому разговор на время умолк. Когда же Седа, поправив фитили светильников, снова опустилась на скамью, царица спросила:

– Это не тогда ли, Седа, царь уехал в Константинополь?

– Да, царица, как раз во время этих бедствий, – ответила Седа. – Я ведь говорила, что печали не вечны, что темную ночь сменяет светлый день, а бурю и грозу – яркое солнце. Ты говорила о своих скорбях и страданиях, но разве можно сравнить их с теми мучениями, которые перенес царь? Рассказ о прошлых войнах и ужасах голода поразил твое сердце. А каково же было ему, царю и отцу народа? К нему обращались все страждущие, к нему простирали руки тысячи несчастных. Он геройски претерпел все бедствия в надежде на милосердие бога, который и впрямь не оставил его.

Узнав о том, что наши князья покинули царя и что страна стонет от ужасов голода и войны, греческий император и патриарх написали государю сочувственное послание. Написали они и католикосу, увещевая его объединить армянских князей и общими усилиями изгнать врага из страны. Католикос много сделал для этого, но князья не послушались его советов. Его святейшество спустился в Таронскую долину и попытался примирить с царем несколько могущественных князей. Однако и эта попытка потерпела неудачу. Тогда он вынужден был написать императору и патриарху о позорном сопротивлении князей и просить помощи. Греческий император пригласил к себе царя и католикоса. Католикос уклонился от этой поездки, опасаясь, что ему попутно будет сделано предложение о соединении армянской и греческой церквей. Царь же, не имея причин для отказа, выехал с приближенными князьями и свитой в Константинополь. Остальное тебе известно. Ты знаешь, какой роскошный прием оказали ему в Византии, какие праздники давались в честь армянского царя, как его венчали царской короной и мантией и какими ценными дарами одарили царя и князей.

– Да, об этом мне рассказывал князь Геворг, – заметила царица.

После этих событий армянские князья воспрянули духом и воодушевились. Гагик Арцруни, могские и андзевские князья изгнали полчища Юсуфа из своих владений. Наши войска вытеснили арабов из северных областей. Юсуф не мог прийти в себя от неожиданности. Когда же пришла весть, что царь Ашот возвращается в Армению с греческими войсками, ужас охватил его. Не теряя времени, Юсуф собрал остатки своих войск и бежал из Двина в Атрапатакан. Царь вернулся, увенчанный славой. Без труда он овладел снова землями, занятыми арабами. Кое-где ему было оказано сопротивление, но перед объединенными силами греков и армян враг был бессилён. В стране воцарился мир. Народ ожил, поля и сады зазеленели, земля покрылась плодами, а люди стали наслаждаться покоем. Начались празднества.

– Кажется, начало празднествам положил мой деверь Абас?

– Да. Еще до возвращения государя он женился на дочери князя абхазов Гургена. Они давно любили друг друга.

– Со времени коронации. Их дружба началась на моих глазах.

– Но народ порицал Абаса. Он женился раньше старшего брата, своего государя.

– За что же его порицать? Вероятно, абхазская княжна была привлекательней дочери Саака Севада!

– Нет, моя царица, вашу свадьбу пришлось отложить из-за непредвиденных событий. Тиран Юсуф, узнав о союзе царя с греками, поспешил натравить на царя сильного внутреннего

врага. Хитрый, как сатана, он короновал спарапета Ашота Деспота и послал его в Армению, чтобы братоубийственной войной ослабить армянскую страну и овладеть ею.

Так поступил он в свое время с Гагиком Арцруни, чтобы ослабить силы царя Смбата. На этот раз, видя, что Гагик отошел от него, он выдвинул спарапета. Нашим врагам выгодно, чтобы армяне сами уничтожали себя. Что Юсуфу? Одному он подарит корону, другому даст княжество. Титулами возбудит тщеславие князей и восстановит их друг против друга. Достигнув же цели, он отнимет у них и корону и княжество. Так поступали все коварные властители. А изменники, готовые предать родину ради личных выгод, всегда найдутся.

– Да, царица! Спарапет понимал коварство Юсуфа, но все же не остановился перед тем, чтобы изменить родине в угоду своим тщеславным замыслам. Он начал братоубийственную войну против своего двоюродного брата и законного царя. Он устроил резню, разорил города и села, но потерпел жестокое поражение под Вагаршапатом, где царские войска разбили его. После этого он вынужден был бежать в Двин. Вот эти злодейства Ашота Деспота и мешали вашей свадьбе. Государь хотел восстановить мир в стране, а потом уж заняться подготовкой праздничных торжеств.

– Седа, ты все помнишь?

– Помню, как вчерашний день.

– Так мало времени прошло... всего два года. Боже мой... Столько пережить за такой короткий срок!

– Бедная моя повелительница, как ты страдала...

– Да, Седа, я много страдала. Мне кажется, что прошли долгие годы. Мне нет еще двадцати пяти лет, а я уже чувствую себя старухой.

– Ты и сейчас хороша, как ангел.

– Хороша... Кому нужна красота твоей царицы?..

– Ты опять начинаешь грустить...

– Помню, точно это было сегодня... Я находилась в верхних покоях замка. Со мной были молодые служанки. Внизу, во дворе, отец отдавал приказания отряду гардманской конницы, который ночью должен был отправиться в Агстев, чтоб повести находившееся там войско в Вагаршапат, на помощь царю. Вдруг вдали, по ту сторону гардманского моста, я заметила красный флаг, парящий в воздухе. «Девушки, что там такое?» – спросила я служанок. Все посмотрели в ту сторону. Вдруг самая зоркая из них крикнула: «Гонец!» – «Гонец», – повторила я, и сердце у меня забилося. «Это от царя», – подумала я. От радости перехватило дыхание. Если ты помнишь, незадолго перед этим восстали владетели Гугарка – князя Гнуни. Царь с моим деверем Абасом подавил это восстание. Потом оба брата отправились навестить князя Абхазии Гургена. Отсутствием царя воспользовался Ашот Деспот и занял Вагаршапат. Царь и брат его Абас немедленно вернулись из Абхазии и направились в Вагаршапат. Гардман они проехали ночью. Царь говорил с отцом лишь несколько минут. Меня он велел не тревожить. Никто из вас не знал о приезде царя.

– Царь предполагал напасть на Ашота Деспота врасплох. Никто не должен был этого знать.

– Верно. Перед отъездом царь сказал отцу: «Если святой кафедральный собор поможет мне изгнать Деспота, я пошлю к тебе гонца с красным флагом и вернусь в Гардман праздновать свадьбу». Отец говорил мне об этом. Можешь себе представить, как я ликовала, когда заметила красный флаг! От волнения у меня отнялся язык, я ничего не могла сказать отцу, и только когда одна из служанок крикнула: «Князь, едет гонец!» – и отец вопросительно посмотрел на меня, я, еле живая от радости, закричала: «Да, да, с красным флагом!» – и сбежала вниз. Лицо мое пылало. Ты помнишь этот день, Седа?

– Разве можно забыть его? Вся крепость ликовала. Князь подарил воину-вестнику прекрасный меч, коня и горсть золота. Это был Мушег, нынешний начальник крепости.

– Да, он самый. Мне хотелось, чтобы ему сделали еще более ценный подарок, но я не решилась сказать об этом отцу.

– За два дня, – продолжала Седа, – Гардман принял праздничный вид. Конные воины, которые должны были ехать в Агстев, отправились в Гугарк, Сюник, Арцах и другие города приглашать армянских князей на свадьбу. Государь намеренно запаздывал. Когда он приехал, все князья, сепухи, главы нахарарских родов и княжеские семьи находились уже в Гардмане. Князь Абхазии приехал за день, а царь Грузии задержался в Гандзаке, чтобы одновременно с нашим царем прибыть в Гардман. Князь Гурген Арцруни, когда-то отвергнутый тобой, не только приехал на свадьбу со своей свитой, но, желая доказать свои дружественные чувства к царю, поскакал в Гандзак, чтобы привезти грузинского царя Атырнерсеха в Гардман за день до прибытия Ашота. Это ему удалось. Атырнерсех приехал вечером, а государя мы принимали утром.

– Да, вы все принимали своего государя!.. Гардман помолодел, даже горы и холмы ликовали. Народ был ослеплен роскошью армянских князей, а Саак Севада поразил всех пышностью своих одежд и доспехами. А я? Я, Седа, принимала не только царя Ашота, гордость армянского государства, но... Мне не стыдно сейчас сказать об этом!.. Да, Седа, я принимала того, кто был венцом моих надежд, моим безграничным счастьем, небом моего блаженства... Я принимала того, кто был моим пламенным сердцем, моей жаждущей душой, чей взгляд покорял меня, чей голос звучал в моих ушах как мелодии херувимов. И этот витязь, этот бог, Седа, был моим женихом, моим будущим мужем... О, разве можно было вынести столько счастья? Все пышные приготовления, почести, оказываемые князьями, воодушевление гардманцев и всех армянских войск казались мне недостаточными. Мне хотелось для Ашота Железного чего-то большего... Ведь он был лучшим из лучших, выше и великолепнее всех армянских князей. Ах, Седа, если бы мужчины знали, как мы, женщины, ими гордимся! Хрупкое женское сердце превращается в алмаз, когда оно полюбит героя. Они тогда не сходили бы с пьедестала, перед которым наше любящее сердце поклоняется им.

«Бедная женщина...» – прошептала про себя Седа.

– Отец мой, прежде чем ехать с телохранителями навстречу царю, распорядился, чтобы я, как царская невеста и дочь могущественного гардманского князя, не выходила из своих покоев и не показывалась народу до того, как государь по приезде в замок пригласит меня к себе. «Этого требует обычай», – сказал он. Но я... о невозвратные минуты счастья... не могла устоять и нарушила правила благопристойности. Весь Гардман собрался чествовать государя. Разве я могла отказаться от этого удовольствия? Я распорядилась, чтобы заперли вход в мои комнаты, приказала служанкам никого не принимать и вместе с одной из них поднялась по тайной лестнице на вершину самой высокой башни. Ты бывала там, Седа?

– Нет. Как может подняться туда женщина? Караульные стрелки и те еле карабкаются по этим проходам.

Мы взобрались, как серны. Окрестности Гардмана оттуда видны как на ладони. Долина, река, горы – все было перед нами. Всюду стояли толпы народа. Посмотрев на мост, я увидела передовой отряд конницы, который мчался как ураган, распустив белое знамя. За ним следовал государь, окруженный телохранителями. Его блестящее оружие, сверкая на солнце, казалось, рассыпало вокруг искры... Государь был на белом коне, покрытом золотой броней, в золотых доспехах и таком же шлеме, над которым возвышался орел, увенчанный белоснежным пером. За царем ехал мой отец с гардманскими всадниками, затем князь Сисакян, агванский сепух, гугарский бдешх¹⁰, князья могокие, арцрунские, владетели Арцаха и Хачена и множество других. Затем следовали царские и княжеские отряды, придворные, столичные и сепухские полки и, наконец, бесчисленные толпы народа, собравшиеся со всех окрестностей.

¹⁰ Бдешхи – владетельные князья пограничных областей Армении.

Когда передовой отряд конницы подъехал к крепости и трубы возвестили о прибытии государя, Гардман со всеми князьями, войском и толпами народа исчез из моих глаз. Мой быстрый, ненасытный взгляд видел только его, моего жениха и любимого государя. Отряд телохранителей, подъехав к крепостным воротам, выстроился по обе стороны. Государь проехал вперед. Его прекрасный конь, гордый своим всадником, выступал с особенной торжественностью, оглашая воздух громким ржанием. Братья мои с приближенными встретили государя у главных крепостных ворот, а мать моя, окруженная знатью Гардмана, приняла его у входа в замок.

Если бы в эту минуту я не была уверена, что вскоре должна приобщиться к этому ослепительному блеску, если бы я не знала, что мне принадлежит тот, к кому все стремились приблизиться, чей взгляд все ловили, то, чувствуя себя далеко от него, пленницей на башне, я бросилась бы вниз с этой высоты. Но когда я вспомнила, что он – мой, что повелитель этого огромного войска и народа – мой будущий супруг, что когда-то отвергнутые мной князья с бесконечным почтением и подобоострастием склоняются перед ним, от ликования мое сердце готово было вырваться из груди. Если бы оно было у меня в руках в ту минуту, поверь, моя добрая Седа, я бросила бы его к ногам моего героя...

9. О том, как открылась неверность

Царица прервала свой рассказ, желая немного успокоиться, и продолжала с оживлением:

– Да, Седа, ты права. Вспоминая радостные картины прошлого, можно на время забыть горести настоящего. Как мне дорого это прошлое... Я вспоминаю счастливую минуту, когда предстала перед государем. Он сидел в большом зале замка, окружённый придворными и князьями. Все ждали меня. Как только мы с отцом показались в дверях, государь направился ко мне и почтительно меня приветствовал. Я вспыхнула. Как ясно запомнилась мне эта минута... Отец соединил наши руки и сказал: «Вот, государь, моя дочь и твоя невеста...»

Государь, радостно улыбаясь, взял мою руку, нежно ее поцеловал и повел меня к трону, около которого стояло покрытое пурпуром кресло. «Представляю вам, князья, вашу будущую царицу», – торжественным голосом сказал государь, и все в один голос воскликнули: «Да здравствует царь! Да здравствует царица!» Затем все князья подошли ко мне и приветствовали меня в порядке старшинства. Здесь были, Седа, все отвергнутые мною когда-то князья-женихи. О, как хотелось мне тогда быть единственной красавицей в мире, чтобы все восхищались мною и говорили, что армянский царь выбрал себе достойную невесту!

– Ты была прекрасна, как херувим.

– Я радовалась, что достойна своего жениха.

– Да, он говорил потом князю Марзпетуни, что считает себя счастливым, так как ты превосходишь красотой жену Абаса. «Князь Абхазии, – говорил царь, – не может больше похвастаться, что его дочь – единственное украшение армянского двора».

Во время венчания епископ взял мою руку и вложил ее в руку государя. Я подняла глаза и посмотрела на него. О, каким величественным показался он мне в эту минуту, как возвеличена была я сама... «Вот наконец осуществились мои мечты, и я счастлива», – думала я, и дерзкие мысли носились у меня в голове: «Ашот, железный царь, теперь мой, и никто не сможет отнять его у меня. Мы обвенчаны, союз наш скреплен божественной печатью...» «Что бог сочетал, того человек не разлучит», – сказал епископ. А теперь, Седа, я лишена его. Он уже не мой. Как горько поверить в эту истину... А ведь бог нас соединил... Кто же разлучил нас? Как это случилось? Говори, Седа, ты же все знаешь...

– Я и так уже многое сказала, милая царица.

– Нет, ты не рассказала мне, как началось наше несчастье. Почему из потухших искр разгорелось новое пламя?

– Причиной оказался опять наш враг.

– Кто же?

– Юсуф.

– Каким образом?

– Ты помнишь, в день вашей свадьбы он прислал царю много дорогих подарков?

– Царскую корону, меч, осыпанный драгоценными камнями, арабских коней в золотой броне и много других драгоценных подарков.

– И большой отряд арабской конницы, предназначенный для царского войска.

– Зачем он это сделал?

– Говорили, что Юсуф намерен восстать против халифа, чтобы единолично править Персией. Армянский царь тогда был в силе. Греческий император вступил с ним в союз, армянские князья объединились вокруг его престола. Он примирился даже с Гагиком Арцруни, а его единственный враг, Ашот Деспот, окончательно побежденный, бежал в Двин. Вот почему Юсуф старался снискать дружбу царя. Ваша свадьба была удобным предлогом. Своими богатыми дарами Юсуф покорила сердце царя. Но за всем этим скрывался тайный умысел. Арабский востикан не мог, конечно, желать удачи армянскому царю. Он искал его дружбы только

потому, что царь был силен. Конница, которую Юсуф послал царю, оказалась причиной большого несчастья.

Царь после свадебных торжеств решил двинуться на Двин и изгнать оттуда Ашота Деспота. Если ты помнишь, этому не противился и князь Саак. Они собрали большое войско, объединив царские полки с гардманскими отрядами и конницей Юсуфа. С этими силами царь двинулся на Двин. Католикос был против этой войны, считая ее братоубийственной. Он пытался предотвратить бедствие. Но его старания примирить противников ни к чему не привели. Царь, полагаясь на свои силы и подстрекаемый, говорят, твоим братом Григором, начал войну. В самый разгар боя конница Юсуфа бежала с поля битвы. Эта внезапная измена привела в смятение царские войска, и они потерпели жестокое поражение. Коварство Юсуфа было причиной того, что царь стал готовиться к новой войне. Он вызвал на помощь войска абхазского князя и, соединившись с ними, намеревался дать грозный бой противнику. К счастью, католикосу удалось мольбами и увещеваниями примирить врагов.

– Все это мне известно. Но какое это имеет отношение к моим несчастьям?

– Очень большое. Эта неудачная битва была прямой причиной того, что наместник Утика, князь Мовсес, восстал против царя. Царь и князь Саак отправились в Утик подавлять восстание.

– И подавили его. Царь в бою снес мечом голову Мовсесу.

– Да, но на место восставшего Мовсеса он назначил наместником Утика Цлик-Амрама.

– Цлик-Амрама? Значит, вот откуда все началось?

Царица взволнованно приподнялась и, выпрямившись, села на постели, устремив глаза на кормилицу. Седа молчала. Она, видимо, боялась продолжать, не желая вновь огорчить свою госпожу.

– Что же ты замолчала, Седа?

– Не знаю, о чем и говорить, – ответила кормилица, грустно улыбнувшись.

– Ты сказала, что царь назначил наместником Утика Цлик-Амрама?

– Да.

– Почему именно его, а не другого? Что ты знаешь об этом?

– Царь слышал об Амраме только хорошее.

– Да, он был сильным и могущественным человеком. Недаром его прозвали Цлик¹¹. Но какое это имеет значение?

Седа молчала.

– Расскажи, не утаивая, все, что знаешь, – строго приказала царица. Седа не смела слушаться.

– После того как восстание в Утике было подавлено, брат твой, князь Григор, вернулся в Гардман один, без князя Саака. На вопрос княгини-матери, где князь Севада, Григор ответил, что князь с царем отправились в Еразговорс навестить царицу. Вскоре твой отец вернулся в Гардман, грустный и удрученный. Княгиня сильно забеспокоилась, думая, что он получил какое-нибудь печальное известие, касающееся тебя. Спросить князя она не решалась. Ты знаешь, что отец твой всегда гневался, когда к нему приставали с расспросами. Два дня он не выходил из замка. На третий день состоялось тайное совещание с матерью-княгиней и братьями. После этого весь дом погрузился в печаль. Это меня чрезвычайно взволновало. Впрочем, княгиня не имела от меня никаких тайн, и вскоре я узнала обо всем. «Моя Саакануйш несчастна», – сказала княгиня. «Почему?» – спросила удивленно я. «Предосторожности, принятые князем, не помогли, – продолжала она сокрушенно. – Князь думал, что, выдав замуж севордскую княжну за Цлик-Амрама, он вычеркнет из сердца государя воспоминания о прошлой любви. Но он жестоко ошибся. Искры любви разгораются и грозят превратиться

¹¹ Цул – бык, цлик – бычок.

в пламя». – «Каким образом?» – испуганно спросила я. «Покорив мятежника Мовсеса, царь спустился в Севордское ущелье, чтобы дать отдых войскам. Там его встретил Цлик-Амрам с севордскими князьями и пригласил в свою крепость Тавуш. Севада, предчувствуя несчастье, сделал все, чтобы царь не принял этого приглашения, но его усилия были тщетны. Царь, до этого дня торопившийся выполнить обещание, данное царице, и вернуться в назначенный срок в Еразговорс, охотно принял приглашение Цлик-Амрама и поехал в Тавуш». – «Что же дальше?» – спросила я. «Князь присоединился к нему, – продолжала княгиня, – и вот что он рассказал: «Там, говорит, жила бывшая возлюбленная царя, жена Цлик-Амрама. Она встретила государя у крепостных ворот. Княгиня так похорошела, была так прекрасна, что на нее нельзя было смотреть без восхищения. Я видел, как при встрече с царем она вздрогнула и покраснела. Могло казаться, что она оробела перед государем, но мне все было ясно. От моих зорких глаз, – сказал князь Севада, – не скрылось и волнение государя. Жена Амрама в ту минуту была так хороша, что меня не удивило бы, если бы царь обнял ее. Я видел, как в их глазах вспыхнули искры прежней любви. Их взгляды незаметно для присутствующих сказали друг другу многое. Но царь сдержал себя и больше ни разу не посмотрел на княгиню. Цлик-Амрам, видимо, был недоволен, что жена его не привлекает внимание государя. Однако скоро мои предчувствия сбылись. Государь, который намеревался наместником Утика назначить моего сына Григора, вдруг решил передать эту должность Цлик-Амраму. Я не противился, видя, что молчаливый взгляд прекрасной княгини убедительнее, чем все мое красноречие. На следующее утро царь подписал грамоту о «княжестве Утика», назначив Амрама своим наместником. Княгиня пришла лично благодарить государя. Пришла во всеоружии своих чар и своей красоты. Что касается Цлик-Амрама, он от радости готов был целовать царю руки. В тот же день вечером я напомнил государю обещание, которое он дал царице – возвратиться в Еразговорс, – и был удивлен, когда он объявил, что желает провести в Тавуше еще два дня, чтобы дать распоряжения и указания Цлик-Амраму. Я больше не мог оставаться там, – сказал мне князь, – и быть свидетелем того, как возрождается старая любовь. Я вернулся сюда, потому что у меня не было сил ехать в Еразговорс. Какими глазами я посмотрел бы в глаза дочери и как объяснил бы ей пребывание царя в крепости Тавуш?»»

Через два дня князь Севада вызвал меня к себе и сказал: «Седа, моя Саануйш одинока. Теперь она больше, чем когда-либо, нуждается в твоих заботах. Готовься завтра же ехать в Ширак». Я с радостью согласилась, так как есть ли большее счастье для меня, чем служить тебе? Князь знал, что княгиня рассказала мне обо всем. Перед моим отъездом он в присутствии княгини сказал мне: «Седа, ты знаешь, какая опасность угрожает счастью моей дочери. Она еще молода и может сама ускорить надвигающуюся развязку. Поезжай и следи за каждым ее шагом. Ты женщина опытная, знаешь жизнь. Постарайся, чтобы твоя царица всегда была во всеоружии, чтобы каждый ее шаг, слово, взгляд пробуждали любовь мужа и заставляли его забыть чары жены Амрама. Никакое искусство не в состоянии воспламенить любовь, но оно может погасить искры старой любви и помешать им разгореться. Брак еще не обеспечивает любви, супруги должны всеми мерами ее охранять. В брачной жизни надо продолжать ту же борьбу, при помощи которой человек овладевает любимым существом. Об этом нужно думать постоянно. Так уж создан человек; добившись желанной цели, он теряет к ней интерес. Настает время испытаний. Твоя царица этого не знает, и хорошо, если никогда не узнает. Она искренне любит государя и верит ему безгранично. Но такая любовь часто приводит к ошибкам. Иногда достаточно бывает неосторожного слова, грубого движения, небрежности в одежде, чтобы в любящее сердце просочился яд отвращения. За первой каплей следует вторая, третья, и чувство умирает. Все это ты знаешь, Седа. Поезжай и оберегай свою Саануйш от надвигающихся бед. Чувства царя уже не прежние, я это видел ясно. Позаботься, чтобы моя дочь не нанесла его любви последнего удара. Я же со своей стороны постараюсь найти способ предотвратить опасность».

С такими наставлениями князь отправил меня. После этого, как тебе известно, я приехала в Ширак. Государь был уже у тебя, в Еразгаворсе. Он продолжал окружать тебя нежной заботой. Ты была довольна судьбой. Подозрения князя не оправдались; по крайней мере, я не замечала никакой перемены в государе, видя его с тобой всегда нежным и любезным. Но когда в это же лето он стал устраивать для тебя увеселительные выезды в Сюнийские и Гугарские горы и, приставив к тебе сюнийских княгинь, сам, под предлогом неотложных дел, уезжал в севердскую область, мною овладели сомнения. Я тебе ничего не говорила; ты была так весела и счастлива, что надо было иметь каменное сердце, чтобы отравить подозрением твою чистую душу. Но я уже видела, что над сердцем царя властвует жена Амрама. Поездки в Утик стали повторяться. Ты ничего не подозревала, но мы, то есть родители твои в Гардмане и я во дворце, совсем измучились. Вскоре посещения царя так участились, что женщины во дворце и даже телохранители царя стали говорить: «Видно, наш государь влюбился в севердскую страну».

– Скажи мне, они догадывались, зачем царь посещает Утик? – спросила царица, дрожа от волнения.

– Нет. Это было известно только двум его телохранителям.

– Ах, Седа, зачем ты меня обманываешь? Двух человек достаточно, чтобы оповестить двухсот. А кому из дворцовых женщин было известно о моем несчастье?

– Тогда, кажется, никому. Вскоре брат царя Абас со своим тестем, князем абхазским Гургеном, попытался взять в плен государя и убить его. Царь скрылся от них. Заговорщики искали его в Шираке, а потом с войсками двинулись на Еразгаворс. Ты, конечно, помнишь, что еще до их прихода царь всех нас отправил в Утик, в Севердское ущелье. Мы укрылись в крепости Тавуш у Цлик-Амрама. Вот тогда-то две из придворных женщин заметили близость царя с княгиней Аспрам. Они порицали его за то, что он укрыл нас в доме своей возлюбленной, а не в одной из сюнийских крепостей.

– Кто эти женщины, Седа? Говори, я хочу знать, – спросила царица.

– Одна – мать нашей Шаандухт, другая – княгиня Гоар.

– Они говорили с тобой об этом?

– Да, но тайно. Кроме нас, никто этого не знал. Впрочем, я со своей стороны старалась рассеять их подозрения.

– Напрасно. Этим ты не могла закрыть им глаза. Почему ты тогда же не открыла мне этой тайны? Если бы я знала, что, кроме меня, она известна и другим, я вонзила бы нож в сердце этой низкой женщины, а потом убила себя. Ашот Железный избежал бы той опасности, в которой он сейчас находится, Саак Севада и его сын не были бы ослеплены.

– Как, царица? Неужели и ты узнала об этом в крепости Тавуш?

– Да, Седа, во дворце этой низкой женщины, через несколько дней после нашего приезда.

– Каким образом?

– Ты помнишь, как однажды князь Амрам, возбужденный вином, забыв о своем достоинстве, принялся любезничать с княгинями. Я удалилась из зала. Какая-то непонятная тоска овладела мною. Я не знала, чем рассеять ее. Я не хотела, чтобы кто-нибудь из княгинь сопровождал меня, и пошла одна бродить по дворцу. Я надеялась встретить царя, который уединился для чтения писем, полученных из Еразгаворса. В одном из покоев я вдруг услышала его голос и радостно пошла к двери, которая вела в покои княгини Аспрам. Здесь я услышала голос княгини. Я думала, что она занята хозяйственными делами, и очень удивилась, что они оказались вместе. Ужасное предчувствие стеснило мое сердце. Дыхание прерывалось... Я подошла к дверям со страхом и надеждой, открыла их, и что же я увидела?.. Седа... О, зачем в эту минуту я не задохнулась, зачем не умерла?.. Княгиня Аспрам... в объятиях царя...

– Боже мой!..

– Да, мой Ашот, властелин моего сердца, сидел, обнявшись с женой Цлик-Амирама... Ах, Седа, понимаешь ли ты, как я была потрясена?.. Гром и молния не могли бы столь безжалостно поразить мое сердце...

– Что же ты сделала?

– Ничего. Они оба побледнели, как мертвецы. Я же молча вышла оттуда и уединилась в одной из соседних комнат.

– Тогда-то ты и заболела?

– Да, от страданий, причиненных мне этой роковой встречей... Я болела тогда целых два месяца.

– И ты никому ничего не сказала?

– Не сказала, чтобы не разрушить семью армянского царя. Я не хотела рукой дочери Саака Севада нанести удар армянской короне и престолу. Ах, зачем скрывать, Седа? Я не сказала никому, чтобы не возрадовались мои соперницы, чтоб завистливые княгини не ликовали, а мои бывшие женихи не насмеялись над моей гордостью.

– Бедная моя госпожа... – прошептала Седа.

– И все же за свою гордость я жестоко наказана...

– Бог милостив, царица. Не может быть, чтобы та, что так героически перенесла свое горе, не вкусила бы вновь прежнее счастье.

– Милая Седа, как ты добра... Но разве мертвые в наши дни воскресают? Встань, мать Седа! Пойди отдохни. Я тебя утомила, прости меня.

Седа, давно ожидавшая этого приказа, помогла царице снять оставшиеся на ней одежды, поправила постель и, пожелав доброй ночи, удалилась в комнату рядом с опочивальней.

Царица легла. Но грустные думы долго терзали ее. Уже светало, когда глаза ее сомкнулись. Старая Седа давно уже мирно спала.

10. Слепой мститель

Солнце заходило. Два всадника мчались по Гандзакской равнине. Один из них – пожилой мужчина с благородным лицом, в легком медном шлеме – был вооружен мечом в серебряных ножнах и блестящим маленьким щитом. Позади него ехал рослый молодой человек в латах, в стальном шлеме, с тяжелым щитом, с мечом на бедре и длинным копьем в руках. По взмыленным лошадям было видно, что они проделали долгий путь. Когда всадники, миновав широкую равнину, въехали в ущелье Гардмана, князь обратился к телохранителю:

– Солнце зашло, Езник, надо поспеть в крепость до темноты. Я не хочу, чтобы караульные подняли шум, открывая ворота.

– Что тебя смущает, господин мой? – спросил телохранитель.

– Князь Саак не должен знать о нашем приезде. Я хочу предстать перед ним как незнакомец.

– Неужели в замке никто тебя не знает?

– Думаю, что никто. Я не был в Гардмане больше восьми лет. Даже на бракосочетании государя я не мог присутствовать. Кто может помнить меня? Из старых княжеских слуг – одна Седа, да и та находится у нас, в Гарни. Меня бы узнала княгиня, но ее нет в живых. Сын князя, Давид, в лагере Амрама. Сейчас в замке только сам князь и его сын Григор. Они оба слепые и не узнают меня.

– В таком случае я не стану подниматься в крепость, а переночую в селе.

– Почему? – спросил князь.

– Потому что меня знают не только слуги князя Севада, но и караульные.

– Что за беда?

– Им ведь известно, что я служу у князя Марзпетуни, и по слуге узнают и господина.

– Если так, оставайся в селе.

– Хорошо, господин мой.

– Может быть, тебе удастся собрать сведения о князе Севаде и узнать, в какой мере он причастен к восстанию.

– Я не успокоюсь, пока не разужнаю всех подробностей. Здешний священник большой говорун. Я остановлюсь у него.

– Не болтай сам, а больше слушай.

– Буду молчать, но оставлю ему побольше денег за благословение.

– И это дело. У тебя есть серебро?

– Для сельского священника годятся и медяки.

Всадники, беседуя, доехали до речки Гардман.

– Не задерживайся, переправляйся через речку, – приказал князь.

Телохранитель поклонился и, прищипнув лошадь, повернул влево, в село Гардман, а князь направился по дороге к крепости. Когда он доехал до склона крепостной горы, перед ним предстал Гардман со своими белыми стенами и грозными башнями. Они примыкали на севере к неприступной горе, а на юге и на востоке к высоким крутым скалам. Вид этой грозной твердыни, казавшейся в сумерках еще более суровой, наполнил сердце князя глубокой печалью. Он вспомнил приезд царевича Ашота в эту крепость восемь лет тому назад. В сердце князя и тогда было мало радости. Армянского царя распяли, князья погрязли в междоусобных войнах, царевич был беспомощен, сам он ранен. До радости ли было! Но в ту пору Гардман вселял надежду. Саак Севада сидел в крепости, как могущественный лев. Имя его повергало врагов в ужас и ободряло сердца слабых. А сейчас в замке царили скорбь и отчаяние.

Смеркалось. Конь князя выбился из сил, дорога шла в гору, но все же всадник погонял бедное животное, чтобы поскорее доехать до замка. Напрасный труд! У подножия горы он услышал звуки трубы. Это был сигнал к закрытию крепостных ворот.

– Проклятые! Нашли время закрывать ворота, – пробормотал князь и отпустил поводья. Животное, словно почуяв, что у хозяина иссякла энергия, замедлило шаг. В замке уже зажглись огни, когда князь приблизился к воротам, находившимся между двумя западными башнями. Сойдя с лошади, он подошел к наружной нише и, взяв лежащий там большой деревянный молот, три раза ударил им по доске, прикрепленной к стене.

– Кто там? – хриплым голосом крикнул караульный.

Князь молчал, не зная, как назвать себя.

– Кто стучит? – снова спросил караульный не без досады, высунув на этот раз из узкого окна башни голову.

– Царский гонец, – ответил князь.

– Царскому гонцу нечего делать в нашей крепости! – возмущенно воскликнул караульный. – Разве царь не знает, что Гардман принадлежит его старому владельцу? – И он скрылся в окне.

Князь был поражен. Он не ожидал, что гардманцы открыто объявят себя союзниками утикцев. Он знал, что в восстании Цлик-Амрама замешан Саак Севада и что его сын Давид – союзник Амрама. Но все же он рассчитывал, что начальник крепости Гардмана, назначенный царем, не изменит своему повелителю, которому он верно служил в течение долгих лет. Из слов караульного князю стало ясно, что вся область охвачена восстанием. «Что же теперь делать?» – подумал князь и решил прибегнуть к хитрости. Он снова взял молот и сильнее прежнего ударил по доске.

– Дружище! Видно, слуги твоего царя любят висеть на башнях! – резко крикнул сверху караульный и добавил: – Ты хочешь, чтобы я проткнул тебя стрелой?

– Глупец! Я испытывал тебя. Только такое животное, как ты, может служить незаконному царю.

– Кто ж ты такой? – спросил караульный более спокойно.

– Приближенный князя Амрама. Я привез важные вести князю Севеда.

– А если это неправда?

– Чего ты боишься? Неужели вашу крепость может взять один человек?

– Подожди! Надо получить разрешение у начальника крепости. – Сказав это, караульный скрылся.

Через некоторое время на башне замерцал огонь. Это спускали зажженный факел, чтобы проверить, нет ли людей перед крепостью. Убедившись, что внизу только один всадник, стражи открыли ворота и, увидев князя, а не простого воина, оказали ему подобающие почести. Затем попросили его представиться начальнику крепости. Князю только этого и нужно было. Стражи проводили его к одной из ближайших башен, в верхнем этаже которой его ждал начальник крепости. Пройдя через низкую дверь, князь стал подниматься по узкой винтовой лестнице. Идущий впереди воин остановился и попросил князя сдать ему меч. Тот подчинился и, передав воину меч и щит, направился к начальнику крепости. Это был высокий мужчина с добродушным лицом и глазами, которые светились умом. Стоя посреди маленькой сводчатой комнаты, он ждал таинственного гостя. Завидев князя, он поспешил к нему навстречу и воскликнул:

– Князь Геворг, это ты? Какой ветер занес тебя сюда?

Они обнялись и расцеловались. Такой радушный прием показал князю, что сепух Ваграм не заодно с восставшими. Он знаками указал на стража, стоявшего за дверью, и попросил удалить его.

– Кто там? – крикнул начальник, направляясь к двери.

– Я, господин, – ответил воин.

– Положи сюда меч и щит князя и иди вниз.

Воин исполнил приказание.

Когда они остались одни, Ваграм сказал:

– Я догадался, что к нам в крепость прибыл посланец государя. Караульные доложили, что ты сперва назвал себя царским гонцом, а затем приближенным Цлик-Амрама. Сначала я смутился, но потом понял, что приехал один из наших союзников. Ну, теперь скажи, откуда ты и зачем пожаловал? Почему один? Где твои телохранители? Какие вести от государя? Есть ли надежда на егерев¹² или надо объявить набор войска в Востане?

Ваграм забросал князя вопросами. Было видно, что князь Марзпетуни для него – авторитетное лицо. Князь не торопился отвечать. Опустившись на единственную в комнате деревянную скамью, он предложил начальнику занять место на подоконнике.

– Ты еще молод, Ваграм, а я уже прожил свое. Долгий путь меня утомил, дай сначала прийти в себя, – сказал Марзпетуни.

– Ах, прости меня, князь, я так обрадовался при виде тебя, что забыл обязанности хозяина и даже не предложил сесть. Прости. Но зачем нам оставаться здесь? Сделай милость, пойдем ко мне домой. Там ты отдохнешь, и мы спокойно поговорим.

Начальник поднялся и жестом пригласил князя следовать за собой, но князь не двинулся.

– Ваграм, – сказал он, – меня не должны видеть в твоём доме. Я хочу кое-что узнать у тебя и в свою очередь сообщить тебе кое-что. После этого пойду к князю Севада. Сейчас не до обычаев гостеприимства.

Князь Марзпетуни устремил взгляд на начальника и, многозначительно оглядев его с головы до ног, спросил:

– Князь Ваграм, можно ли на тебя положиться так, как мы когда-то полагались на сепуха Ваграма?

– Благодарю за откровенный вопрос, князь. Мы живем в такое суровое время, что князь Марзпетуни вправе спросить, способен сепух Ваграм стать предателем, особенно теперь, когда он служит под знаменем мятежников. Но поверь мне, ни годы, ни обстоятельства не изменили меня. Я был верноподданным государя и остаюсь его слугою. Интересы царя требуют, чтобы я был в стане мятежников. Я не мог поступить иначе.

– Я тебя не понимаю.

– Когда прошел слух, что Цлик-Амрам поднял знамя восстания, князь Севада решил воспользоваться этим и осуществить давно задуманный план. Он позвал к себе гардманскую знать и старейшин народа. Был приглашен и я. Князь произнес перед нами такую речь, что гардманцы обезумели.

– Что же он говорил?

Я не помню всего, но постараюсь рассказать, что могу. Знать Гардмана собралась на террасе замка, а народ во дворе. Двое слуг вывели под руки князя Севада, двое других – князя Григора. Тяжелое впечатление произвело на нас появление слепых отца и сына. Не успел князь Севада открыть уста, как в толпе раздались проклятия по адресу царя. Князь подошел к перилам, оперся о свой посох и сказал следующее:

«Князья и народ! Вы видите сами, что могущественный Севада, гордость гардманцев и гроза врагов, ослепленный коварным зятем, может выйти к вам только с помощью слуг. Не желал бы я, чтобы последний из моих подданных подвергся такому увечью, которое нанесла старику отцу и его юному сыну родственная рука. О, тяжкое горе! Вы видите Гардман, его небо и солнце, горы и долины, весну и цветы. Я лишен этого... Но не в этом беда. Я не могу заботиться о своем народе, исцелять его печали, посещать больных, осушать слезы вдов и сирот, освобождать пленных. Севада зависит от милости своих слуг, Если они не захотят, о гард-

¹² Егеры – жители Егерии, области, примыкавшей к Армении с севера.

манцы, я не смогу даже согреть лучами солнца свое холодеющее тело... Мой дом, который был когда-то источником жизни, превратился в жилище слепых сов. Но вы, храбрецы Гардмана, вы, у которых зрячие глаза, сильные руки, железное здоровье, как вы можете переносить позор, который нанес вам Ашот Железный, ослепив вашего отца и предводителя, отняв у вас вашу свободу? Народ Гардмана! – воскликнул он. – Я возвысил твое имя победами, а ты унизил его своей рабской покорностью. Если у тебя не хватает сил сбросить с себя это позорное иго, то имей хотя бы мужество пронзить мое сердце мечом, чтобы горести Саака Севада исчезли вместе с ним из этого мира, чтоб твои дети не слышали его ропота и не прокляли тебя...»

Князь еще не кончил говорить, как вся знать, а с ней и весь народ воскликнули:

«Пусть сгинет тиран! Гардман свободен, а Саак Севада наш князь!...»

Через несколько минут замок превратился в бушующее море. Народ высыпал с оружием в руках, будто царская армия уже осадила крепость. Из бастионов изгнали ванандских воинов, угрожая в случае неповиновения уничтожить их. Возмущенная толпа сорвала с вершины замка царское знамя и вместо него водрузила гардманского вишапа¹³.

– О, это уж слишком! – воскликнул Марзпетуни.

– Могло быть еще хуже, если бы я сейчас же не собрал своих воинов и не поклялся в верности Севада.

– Не лучше ли было бы покинуть замок, чем клясться в верности мятежнику?

– Нет. Тогда я лишился бы возможности действовать в пользу государя, следить за действиями утикцев. А теперь, находясь среди мятежников, я могу видеть и знать многое.

Рассказ начальника произвел тяжелое впечатление на Марзпетуни; он склонил голову и задумался.

– Неужели ты считаешь меня изменником? – спросил Ваграм после недолгого молчания.

– Да, – ответил князь, поднимая голову.

– Но ведь я только уступал обстоятельствам.

– Всегда и всюду возможны такие обстоятельства. Если каждый начальник крепости будет уступать обстоятельствам, то все царские замки перейдут в руки врага.

– Не мог же я идти со своим небольшим отрядом против многочисленного войска и начинать братоубийственную войну? Я не хотел кровопролития!

Последние слова он произнес с большим пылом. Марзпетуни посмотрел на него и покачал головой.

– Ты сердись на меня и считаешь мой ответ не искренним?

– Наоборот, я нахожу его очень искренним. Я хорошо понимаю трудность положения. Враг ждет удобного момента, чтобы ворваться в нашу страну, и мы сами облегчаем ему путь. Ты, мой друг, не хочешь братоубийственной войны? Что можно возразить против этого? Братоубийство – это то же самоубийство.

– Благодарю, что ты меня понял. Вонзи в мое сердце меч, если я проявил слабость по отношению к врагу. Но – что греха таить – я не могу поднять руки на ближнего.

– И никогда не поднимай. Быть может, рассудок еще в силах пресечь эти раздоры. Для сохранения единства страны не следует проливать кровь ближнего; а чтобы обезоружить врага, можно прибегнуть к хитрости. Толпа похожа на овец, которые, обманутые волком, предали ему сторожевых собак, чтобы снискать волчью дружбу. Волк же, передувши собак, начнет истреблять глупое стадо. Князья, которые подстрекают к бунту неразумную толпу, достойны смерти. Каждый из нас должен противодействовать этому всеми силами. Того, кто является врагом законного престола, каждый армянин должен считать и своим личным врагом. Потеряв царство, добытое такими тяжелыми жертвами, мы снова превратимся в рабов.

– Мне это известно, но я не умею хитрить, дорогой князь.

¹³ Вишап – дракон.

– Я тебя не виню. Что сделано – то сделано. Надо думать о том, как прекратить эти раздоры. Подумал ли ты об этом? Ведь мы идем к гибели.

– Я много об этом размышлял. Прикидывал даже, как следует действовать. А теперь, князь, расскажи, в каком положении Востан? Кто в союзе с царем? Сколько войска можно получить из крепостей? Почему ты прибыл один? Словом, расскажи все, что знаешь, и подробно: в этой глуши вести до меня доходят редко. Затем и я выскажу свои соображения. Если найдешь их приемлемыми, следуй им, если нет, я сделаю то, что ты прикажешь.

Любопытство начальника и заданные им вопросы повергли князя в сомнение. Он заподозрил Ваграма в желании разузнать планы приверженцев царя и помешать их выполнению. Эти мысли мешали князю начать откровенный разговор с начальником. Ваграм догадался о сомнениях князя и, улыбнувшись, проговорил:

– Не омрачай своего сердца подозрениями, дорогой князь! Не суди о моей верности по положению, в котором ты меня застал. Суди по прошлому, которое известно тебе и государю. Я тебе сказал, что подчинился Севада только в интересах царя. Не ищи другой цели в моем поведении. Если бы даже мне подарили весь Гардман, то и этот дар не превысил бы позора измены государю.

Эти слова были произнесены с такой искренностью, что все сомнения князя Марзпетуни рассеялись.

– Да, Ваграм, не скрою от тебя своих опасений. Я боюсь говорить откровенно. Время и люди разрушили мою веру. Но с этой минуты я вполне доверяю тебе. Буду, однако, краток, так как в моем распоряжении очень мало времени: я тороплюсь к Севада. Постараюсь снова вернуться сюда, а если мне это не удастся, я буду знать, что в Гардмане у царя есть верный человек.

– И самый преданный слуга.

– Благодарю. Выслушай теперь меня. В столице сейчас спокойно. Как тебе известно, царь давно примирился со своим братом Абасом благодаря сюнийскому князю Васаку. Единственным злом были распри между государем и Ашотом Деспотом, но и этому положен конец. Мы вместе с католикосом приложили все усилия для примирения и преуспели в этом деле. Государь и Ашот Деспот совместно осадили Двин и взяли его, изгнав оттуда арабов. Мы полагали, что в стране отныне воцарится мир. Устроили даже празднества в Двине; несколько дней все только предавались веселью. Но вдруг до нас доходит весть о восстании Цлик-Амрама. Царь не предполагал, что оно примет такие размеры: он выступил из Ширака только со своим личным полком. Государю казалось, что по прибытии в Утик ему без большого кровопролития удастся усмирить мятежников. Но, приехав туда, он нашел всю область охваченной восстанием. Государь сообщил мне об этом в Гарни, куда я доставил царскую семью, – на укрепления Еразгаворса нельзя было рассчитывать; Абас и Гурген абхазский дотла разрушили их. Я не сообщил царице, как велика опасность; чтобы не взволновать ее, и повел разговор так, что она сама предложила мне отправиться в Утик к царю и, в случае надобности, доставить ему вспомогательное войско. Я поехал. И что же я вижу: не только весь Утик, но и большая часть Арцаха и Гугарка в руках мятежников. Государя я встретил в Гаргарском ущелье. Отчаявшись в успехе, он собирался вернуться в столицу, что явилось бы оплошностью. Вступи он в Ширак, не усмирив Цлик-Амрама, я уверен, что мятеж принял бы еще более широкие размеры и царство наше окончательно бы распалось.

Что было делать? Войска у нас не было. Крепостями овладели мятежники. Даже те, кого мы считали верными престолу, присоединились к Амраму. Все же следовало показать, что царь не беспомощен в Утике, а для этого нужно было усмирить мятежников. На совещании мы решили, что государь, не останавливаясь в Утике, должен продолжать путь в страну егеров, будто бы с целью посетить их царя. Мы надеялись, что царь егеров даст государю войска в

оплату за ту услугу, которую оказал ему Ашот, изгнав из пределов Егерии абхазского князя Гургена.

Итак, царь со своими телохранителями двинулся в путь. Я же с верным человеком остался в Утике; объехал все населенные местности, оглядел крепости, выяснил масштабы мятежа и пришел к заключению, что в этих краях нет такого места, где мы могли бы найти пристанище хотя бы для того, чтобы вести мирные переговоры. Оставалось одно – открытая война с мятежниками. В это время из Егерии прибыл царский гонец, который сообщил мне, что царь егеров дал нашему государю войско и что государь явится скоро в наши края.

– Значит, царь идет с егерскими войсками? – обрадовался Ваграм.

– Да. Несколько дней тому назад я известил царицу, что мятеж Амрама вскоре будет подавлен, но не сообщил, что царь прибегнул к помощи егеров.

– Ты поступил осмотрительно. Как скоро будет здесь государь?

– Через несколько дней. Но мне до его приезда надо выяснить, что заставило Цлик-Амрама восстать против своего благодетеля? Ведь только благодаря бесконечной доброте Ашота Железного он сегодня наместник Утика и командующий северными войсками. Что побудило его отплатить злом за добро?

– Да, этот поступок Амрама удивляет и меня.

– Как? И тебе ничего не известно? – спросил князь Марзпетуни с какой-то деланной наивностью.

– Нет.

– Мне кажется, что он поднял восстание по совету Севада.

– А я, наоборот, думаю, что дерзость Амрама поощрила князя Саака.

– Ты не ошибаешься?

– Мне кажется, нет. Севада был далек от таких намерений.

– Я приехал узнать, как все это произошло. Я и раньше подозревал Севада, а кое-какие сведения, которые я собрал по пути, подтвердили эти подозрения. Но все же я не знал, что он возмутил Гардман. Что греха таить, мне не верилось, что Ваграм позволит ему совершить этот шаг.

– Я уже объяснил тебе, какие обстоятельства заставили меня так поступить.

– Не прерывай. Я ни в чем не обвиняю тебя. Положение выяснилось: Гардман на стороне мятежников; единственный наш друг – начальник крепости Ваграм, на которого царь может положиться.

– Это так.

– А теперь оставайся здесь и прикажи кому-нибудь проводить меня во дворец Севада. Я представлюсь ему как чужестранец и так или иначе найду разгадку этой тайны.

– Какая в том польза? Не все ли тебе равно, кто кого подстрекал? Восстание налицо, надо действовать.

– И притом решительно. А для этого важно знать все.

– Что ж, спрашивать о большем я не имею права; поступай, как находишь нужным. Ты мудр и не нуждаешься в моих советах, – ответил начальник и, позвав одного из стражей, приказал проводить князя до дворца Севада.

Стемнело. Узкие извилистые улочки крепости терялись во мраке. Жители разошлись по домам. Всюду стояла тишина, и в пустынных переулках слышался только топот княжеского коня, заставлявший сторожевых псов с лаем бросаться на ездока. Приблизившись ко дворцу, князь приказал воину вернуться и один поехал вперед. Ворота дворца, представлявшего собою грозный замок, не были заперты. Его слепые владельцы не ожидали, видно, никакого нападения и не думали, что найдется такой коварный враг, который нарушит ночной покой двух несчастных.

Князь въехал во дворец через главные ворота. Огромное двухэтажное здание с просторными залами, бесчисленными комнатами и двумя грозными башнями по бокам было погружено во мрак. Хотя Севада и объявил себя повелителем страны, в его дворце не было никаких признаков жизни. Ни звука, ни шороха. Лишь в одном из крыльев замка в нескольких узких окнах чуть брезжил свет, а в комнатах нижнего этажа бродили слуги. Князь с грустью смотрел на дворец. Он вспомнил тот счастливый день, когда впервые переступил порог этого дома. Жизнь и радость били в нем тогда через край. А ныне? Какой мертвый покой! Казалось, что разрушительная рука смерти занесена над княжеским замком. «И причиной всему один нецеломудренный шаг, совершенный из-за женщины...» – прошептал князь, глубоко вздохнув.

Подъехав к одному из помещений нижнего этажа, он рукояткой плети постучал в дверь. Вышел слуга со светильником. Марзпетуни сразу же узнал его: это был один из старых дворовых. Эта встреча была князю неприятна. Если его узнают, все планы могут рухнуть. Одна надежда – что его забыли.

Увидев, что приезжий не простой человек, слуга сейчас же созвал дворцовую челядь. Слуги зажгли установленный во дворе для таких случаев факел и начали прислуживать князю. Потом послали доложить господину, что к нему прибыл именитый гость. Севада приказал передать, что он с радостью ждет своего старого друга, благороднейшего Марзпетуни.

Князь от изумления застыл на месте.

– Откуда князь узнал, что его гость – Марзпетуни? – спросил он слугу.

– Это я доложил ему, хотел обрадовать своего господина, – с довольной улыбкой ответил слуга.

– А ты, юноша, разве знаешь меня?

– Это мой сын, князь, – подойдя к Марзпетуни, заговорил старый слуга. – Я сказал ему что наш гость – славный князь Марзпетуни. Видишь, князь, как вырос мой сын. Когда ты лежал у нас больной, он был еще маленьким. Он у меня толковый...

– Оно и видно! Да хранит его бог, – быстро ответил князь болтливому слуге и, скрывая недовольство, поднялся в верхние покои. «Бесплодное посещение... Возможно, что эта встреча будет роковой для меня», – подумал он и вошел в комнату Севада.

В углу на бархатной тахте, в черной одежде, поджав под себя ноги, сидел князь Гардмана. В руках у него были четки. Высоко подняв голову и, как все слепые, напрягая слух, он повернул лицо к двери и, улыбаясь, спросил:

– Князь Марзпетуни?

– Да, твой покорный слуга, – ответил Марзпетуни, быстрыми шагами направляясь к хозяину.

– Подойди ко мне, мой дорогой гость. Я не могу пойти к тебе навстречу. Бог лишил меня этой радости. Подойди и обними меня. – С этими словами он раскрыл объятия и, прижав к своей груди Марзпетуни, поцеловал его несколько раз, проговорив сквозь рыдания: – Лица твоего не вижу, мой благородный друг, но душа слышит тебя и подсказывает мне, что сердце твое смущено несчастьем Севада, а глаза твои плачут...

И действительно, князь Марзпетуни не выдержал: он молча плакал в объятиях Севада. Сильный и непобедимый, князь Геворг обладал чувствительным, как у молодой женщины, сердцем.

– Сядь ближе, мой дорогой (сказав это, Севада усадил князя рядом с собой). Будь мужественным, презирай удары судьбы. Но... не презирай никогда добродетели. В мире ничто не остается безнаказанным. Верно, и Севада совершил преступление, достойное этой кары...

– Я не ожидал, что ты встретишь меня такими горькими речами, – заметил Марзпетуни, чтобы заставить несчастного хозяина переменить разговор.

– Нет, друг, в моих словах не может быть горечи, с тех пор как я узнал о твоём приезде. Итак, князь Геворг, ты у меня, в моем доме... Мы опять вместе. Как я счастлив! А как твой дом, как семья, сын? Гор, конечно, вырос, носит меч и щит? Все ли здоровы?

– Да, князь, твоими молитвами.

– Божьим благословением... Они в Еразгаворсе?

– Нет в Гарни, у царицы.

– У царицы? У моей Саакануйш? – Лицо князя Севада омрачилось. Но сейчас же, сдержав себя, он принял прежний спокойный вид и продолжал: – А моя Саакануйш тоже здорова?

– Да, князь. Я ее оставил в Гарни вполне здоровой.

– Вполне здоровой?.. Так, так... Я не думал... – прервал неприятный для него разговор Севада. Ему было тяжело при мысли, что его Саакануйш хорошо в то время, как ее отец и брат, лишенные зрения, страдают в Гардмане. А ведь причиной этого несчастья явилась она сама. Все случилось из-за желания устранить препятствия, мешавшие ее счастью.

Человек, совершивший благородный поступок, редко не ждет за него благодарности. Большинство ждет одобрения даже за исполнение своих прямых обязанностей. И словно именно для того, чтобы подавить это естественное чувство, люди не только никогда не бывают признательны, но часто платят черной неблагодарностью. Князю Севада трудно было поверить, что Саакануйш может быть спокойна хоть на минуту с того дня, как ее отец и брат ослеплены. Неужели она может улыбаться, смеяться, радоваться?.. Неужели каждое утро золотые лучи восходящего солнца не наполняют ее сердце грустью при воспоминании о несчастных страдальцах, навсегда лишенных зрения? Вот почему слова Марзпетуни произвели на Севада такое гнетущее впечатление. Но князь Геворг не заметил на его лице хоть тени волнения. Князя сейчас занимали не переживания Севада. Он раздумывал о том, как ответить, если князь Севада спросит его о цели приезда. Говорить ли неправду или откровенно признаться во всем?.. Он еще колебался, когда князь Саак сказал:

– У нашего народа есть хороший обычай, князь. Когда приезжает гость из дальней страны, у него не спрашивают ни имени, ни названия края, откуда он прибыл, ни о деле, по которому он приехал, пока не угостят его сытным обедом или ужином. Но к нам этот обычай не применим. Мы не чужие, и было бы странно, если бы мы не захотели как можно скорее узнать о делах, нас интересующих. С того дня, как со мной случилось несчастье, я стал раздражительным и нетерпеливым... Ты не удивляйся. Слепой имеет на это право. Это доказывает, что дух мой еще бодр и непобедим. Вынужденное бездействие вызывает во мне жажду деятельности. Поэтому, милый князь, скажи, какой случай или какое несчастье привели тебя в мою крепость в эту позднюю пору? Не сомневаюсь, что ты пришел в мой дом с благой целью. Я знаю, что князя Марзпетуни не занимают личные дела. Только мысль о родине и ее печалях может придать ему силы или повергнуть в отчаяние. Теперь скажи, какие беды родины тревожат тебя, что ты пожаловал к нам?

Лицо князя Геворга прояснилось. Ему показалось, что Севада протягивает ему руку помощи и извлекает из мрачной бездны. И он решил говорить начистоту.

Спасибо, сиятельный князь, за такое высокое мнение обо мне. Ты уже догадался о причине моего приезда и хорошо сказал, что личные дела меня не занимают. Да, не по своим делам я прибыл в Гардман. Страна в опасности, князь. Наши близкие снова расчищают дорогу алчным врагам. Я приехал просить твоей помощи для пресечения будущих бедствий.

– Моей помощи, князь?

– Да.

– У тебя здоровые глаза, князь Марзпетуни, и потому трудно поверить, чтобы ты сбился с пути, – улыбаясь, сказал Севада.

Эта насмешка задела Марзпетуни, но он остался спокоен.

– Если бы даже я был лишен этого земного дара, своим духовным зрением я сумел бы найти дорогу, которая ведет в замок мудрого гардманского князя, горячо любящего родину.

– Князь гардманский не сумасшедший; и, конечно, ты бы не поверил, если бы он так назвал себя. Но он больше не патриот. Не приписывай ему этой чести.

– Саак Севада не пожелает, чтобы армянский престол подвергнулся опасности. Я это знаю твердо, и, если даже сам Севада будет это отрицать, я не придам веры его словам.

– Севада отныне преступник, поверь мне.

– Нет, он только взволнован, он возмущен несправедливостью... Но из-за минутного гнева он не предаст родину, не откажет ее верным слугам в своих мудрых советах.

– Советах? Ты ко мне приехал за советом, князь? – удивленно спросил Севада.

– Да! Цлик-Амрам, наместник Утика, восстал против государя. Весь Утик и большая часть Арцаха и Гугарка взяли за оружие. Я приехал просить совета у старого военачальника. Какие нам принять меры, чтобы подавить восстание без братоубийственной войны?

– Ты смеешься надо мной, князь? – спросил серьезно Севада.

– Могу ли я осмелиться?..

– Слушай, князь Марзпетуни. Я не вправе рассчитывать на твою откровенность. Ты человек преданный родине и верный слуга царя. Севада обязан тебя уважать. Я не обижаюсь даже на то, что ты меня не упрекаешь за союз с Цлик-Амрамом. Я знаю, что учтивость свойственна наследнику марзпетунского нахарарского дома. Но Саак Севада не намерен скрывать своих действий. Владелец Гардмана презирает притворство. Да, я в союзе с Цлик-Амрамом. Ты в доме своего друга, но у врага царя. Говори со мной как с противником царя. За это я буду только признателен тебе.

Князь Марзпетуни облегченно вздохнул. С его сердца, казалось, спала последняя тяжесть.

– Итак, значит, владетель Гардмана заодно с мятежниками? – спросил князь спокойным голосом.

– Больше того, он сам поднял и разжег это восстание.

– Этого не может быть! В пылу гнева Севада мог поддаться злу, но не породить его сам.

– Нет, я сам породил его.

– Ради чего?

– Чтобы утолить жажду мести.

– Но...

– На что рассчитывал Ашот Железный, когда ослеплял Севада? Неужели он думал, что слепота помешает душе Севада видеть перед собой окровавленные руки преступника и возгореться пламенем мести? Какое зло я причинил ему? Почему он лишил меня зрения и обрек живого блуждать в могиле?..

– Но ведь ты, князь, восстал против него и поднял все северные области. Ты угрожал целостности государства, подрывал основы царского престола. Разве царь не обязан защищать свою страну от честолюбивых притязаний? Прости, что я так говорю, но ведь ты требовал откровенности...

– Да, да, будь откровенен. Человеку княжеского происхождения не подобает лицемерить. Но смотри, чтобы чрезмерная искренность не довела тебя до грани клеветы.

– Клеветы? Сохрани меня бог!

– А между тем ты уже оклеветал меня!

– Как? Скажи, и я готов просить прощения.

– Ты сказал, что царь защищал страну от моих честолюбивых притязаний?

– Да! Ты презрел данную тобой клятву и восстал во второй раз. Разве не честолюбие руководило тобой в этом клятвопреступлении?

– Твоя смелость радует меня. Я не переношу трусливых людей. Но мне жаль, что ты так далек от истины. Меня не огорчает, что Армения так плохо обо мне мыслит. Мне больно, что так же думает человек, близкий ко двору, друг царя Ашота, князь Геворг Марзпетуни. Итак, по-твоему, Севада восстал против царя, повинувшись своим честолюбивым замыслам? Неужели монахи, пишущие армянскую историю, заклеят позором мое имя? О, это очень тяжелое обвинение, князь!

– Но если это неправда, то почему же ты дважды восставал против царя?

– Да, ты должен был спросить об этом. Ты обязан это знать, если не знаешь! Но прежде скажи мне, князь, мог ли я желать несчастья своей дочери, армянской царице, которую любил больше света своих очей.

– Нет.

– Мог ли я смутить ее покой, внести раздор в ее семью и подвергнуть опасности трон моего зятя-царя? Разве это не преступление, равное самоубийству?

– Потому-то мы и были поражены, что князь Севада поднял восстание против своей дочери и зятя.

– И считали причиной тому мои честолюбивые мечты?

– У нас не было основания думать иначе.

– Но какая мне еще нужна была слава? Дочь – царица, зять – царь, сам я – свободный, богатый и могущественный князь Гардмана. Чего мне еще требовать от судьбы?

– Как будто нечего.

– И наконец, неужели у князя Севада меньше любви к родине, чем у простого воина? Неужели он не знаком с историей своего народа, не знает, ценою каких дорогих жертв были приобретены трон и корона Багратуни, чтобы позволить себе тщеславными притязаниями колебать этот трон?

– Почему же тогда ты восстал?

– Теперь нет необходимости скрывать это. Но, мне кажется, ты и сам уже кое-что знаешь.

– Я еще ничего не знаю.

– Ну так слушай. В первый раз я восстал против твоего государя, чтобы предостеречь его от ложного шага. Во второй раз восстал, чтобы спасти честь царского престола. Ныне же я восстал и повел за собой Цлик-Амрама, чтобы отомстить за себя и своего сына.

– Нет, нет... сначала объясни мне подробнее причины первого восстания. Что значит: «Я хотел предостеречь царя от ложного шага»? Какой это был ложный шаг?

– Тебе, конечно, известно, что царь был когда-то влюблен в дочь севордского родоначальника Геворга?

– Да. Но это было очень давно.

– До его брака, не так ли?

– Да.

– Когда человек женится, он берет на себя обязанность относиться с уважением к своему браку и клятве, данной перед богом и людьми.

– Несомненно.

– Если так поступает простой человек, крестьянин, то тем более обязан так поступать царь, отец народа, его руководитель, тот, кому при венчании на царство, надевая перстень, епископ говорит: «Возьми перстень, залог праведного царствования твоего, ибо в сей день благословен ты князем и царем над всеми людьми. Будь твердым споспешником христианства и веры христианской, дабы ты прославился царем царей». Тот, кто призван быть не только верным христианином, но и стражем и хранителем христианской веры, тот, кто должен быть для своего народа образцом справедливости и добродетели, – может ли он презреть эту веру и стать примером соблазна для народа?

– Конечно нет.

– А царь поступил именно так. Он женился на моей дочери, но не забыл бывшую севордскую княжну. С того дня, как он назначил Цлик-Амрама наместником Утика, он поправил свою клятву, данную перед богом и людьми. Он забыл свою законную супругу, презрел ее чистую, нежную любовь и стал любовником жены Цлик-Амрама. Неужели тебе это неизвестно?

– Известно, но...

– Но ты не придаешь этому значения?

– Избави бог, чтоб я стал поощрять беззаконие! Я хотел только сказать, что нельзя столь строго судить людей, не разобрав причины их преступлений.

– Не торопись защищать своего государя. Слушай дальше. Я не только армянин, но еще человек и любящий отец. Не скрою своей гордой мечты: я хотел, чтобы армянский царь стал моим зятем, тем более что я видел, как им увлечена моя красавица дочь. Я горячо любил ее, и ее радость была моей радостью. Я хотел, чтобы Ашот Железный женился на моей дочери. Ашот мог отказаться от этого союза, никто не принуждал его. Но раз уж он связал себя с моей дочерью узами священного брака, он обязан был оставаться верным этому союзу, благословенному богом и людьми. Но он презрел этот союз. Простит ли ему бог, я не знаю. Вы все, как я вижу, не склонны судить его строго. Но я, я – отец; у меня есть сердце и человеческие чувства. Во мне есть отцовская жалость и любовь. Вместе с тем я – князь Гардмана, я горд своим родом. Я не мог равнодушно смотреть на несчастье моей дочери и не позволил бы даже самому могущественному человеку в мире опозорить себя.

Я мог бы одним ударом расчитаться с человеком, осмелившимся опорочить мое чистое имя, но послушался голоса благоразумия. «Несчастье моей дочери еще никому не известно, – подумал я. – Она сама тоже ничего не знает об этом. Зачем же обнажать перед людьми гнойную рану? Ее надо лечить втайне. Пусть сердце моей дочери останется спокойным, а честь царского трона незапятнанной». Подумав так, я обратился к царю. Я беседовал с ним, как отец, уговаривал его обуздать свои страсти и сойти с пути бесчестия. Я просил, я умолял пощадить нежное, хрупкое, не привычное к печалю сердце моей дочери. Я убеждал его пощадить честь армянской царской короны... Он не хотел признаться в своей вине, он смеялся над моими подозрениями и ловкими речами старался усыпить их. Тогда я привел доказательства. Он не мог их опровергнуть и смутился. О, нет тяжелее наказания для честного человека, чем видеть перед собою преступным и пристыженным мужчину, в ком некогда ты уважал добродетель, честность, верность, в ком были заключены твои лучшие чаяния, мужчину, которого ты считал героем и рыцарем. Это тяжкое горе я испытал как армянин, а потом исстрадался как отец, когда взвесил тяжесть удара, который должен был обрушиться на мою дочь.

Наконец царь признался мне в своей слабости и обещал порвать все с женой Цлик-Амрама. Обрадованный, я вернулся в Гардман. Но вот наступает лето, и он отправляет царицу на Сюнийские урочища, а сам едет гостить в Севордские горы к княгине Аспрам. Я не стерпел – написал ему укоризненное послание с требованием немедленно удалиться из страны севордцев. В противном случае я угрожал силой изгнать его из милых ему мест. Твой царь не только оставил без внимания мое письмо, но даже посмеялся над моими угрозами. «Что это? Неужели гардманцы воюют против влюбленных?» – спросил он моего посланца. Тогда я, вообще не переносивший насмешек, решил проучить своего обнаглевшего зятя, но сначала хотел подготовить к этому свою несчастную дочь. Это было нелегко для любящего отца.

В это время пришло известие о заговоре царского брата и его тестя. Ты знаешь, что царь из-за этого переехал в Утик. И вот в один злополучный день я получаю письмо от кормилицы моей дочери, в котором она сообщает, что царица опасно больна, находится в крепости Тавуш и хочет меня видеть. Я спешу в Тавуш и застаю свою дочь в тяжелых душевных муках. Спрашиваю ее о причине болезни, и она, горько плача, рассказывает о своем горе. Что мне было делать? Терпение мое истощилось. Я просил дочь не волноваться, если между мной и царем произойдет столкновение. «Я прибегаю к этой мере, – сказал я, – чтобы проучить твоего мужа,

но кровопролития не допущу». С этой целью я тут же, в Тавуше, обратился к царю с суровой речью и уехал, пригрозив начать против него войну.

Вернувшись в Гардман, я собрал войска и направился в Утик, чтобы занять несколько областей. Но, дабы убедить тебя в том, что я это сделал с единственной целью проучить царя, скажу, что не успел он вывести свою армию из Ширака, как я тайно подговорил сюнийских князей Смбата и Бабкена выступить между нами посредниками мира. К ним присоединился и ты, а также несколько других князей. Я придумал способ оттянуть столкновение до вашего приезда, и потому у деревни Ахаян не произошло кровопролития. Подоспели вы, и дело приняло другой оборот. Сюнийские князья ничего не сообщили вам о наших тайных переговорах. Вот почему многие из вас были того мнения, что Саак Севада, движимый честолюбием, восстал против царя. Я нашел нужным не опровергать это мнение, так как предпочел прослыть честолюбцем, чем сделать несчастье дочери достоянием княжеских семей и запятнать имя царя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.